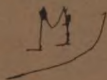


Мих. Лифшиц

VARIA



GRUNDRISSE

Мих. Лифшиц
VARIA

Публикация: В.М. Герман, А.М. Пичилян, В.Г. Арсланов
Составление, предисловия, комментарии: В.Г. Арсланов

Издатель: Надежда Гутова

Корректор: Елена Феокистова
Макет и верстка: Николай Хацко

Издание подготовлено «Архивом Лифшица»
и «Институтом Лифшица»

ООО «Издательство Грюндриссе»
e-mail: info@grundrisse.ru
<http://www.grundrisse.ru>

Лифшиц, М. А.
Varia. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2010. – 172 с.

ISBN 978-5-904099-02-2

Тираж 500 экз.

© ООО «Издательство Грюндриссе»
© М.А. Лифшиц, авторский текст
© В.Г. Арсланов, составление, предисловия, комментарии, 2009

От издательства

Вниманию читателя предлагаются фрагменты из архива Михаила Александровича Лифшица (1905–1983). Сделанные для себя записи, не предназначенные для печати, подтверждают наблюдение Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Книга состоит из трех частей.

Первая часть «Идеал всегда имеет некую реальность...» публикуется впервые.

Вторая часть «Сейчас вам кажется, что истины нет...» впервые была опубликована в журнале «Свободная мысль», 1992, № 6, с. 99–112.

Третья часть «Pro domo sua» впервые была опубликована в журнале «НЛО», 2007, № 88, с. 80–114.

Содержание

Часть первая	
Идеал всегда имеет некую реальность... ..	9
Varia	11
Перенесение некоторых биологических курьезов в моральный мир	11
Относительно <i>determinatio est negatio</i>	12
Моральное государство	13
Рефлексия	14
Условность	14
Модель	15
Онтогносеология	17
Ad vosем Николай Гартман	17
К проблеме «априорного»	21
Отношения модальности	22
Повторение и творчество	25
Нельзя решать те вопросы... ..	28
Априори Канта и иррациональное	30
Ключ к априори Канта	30
Кант. Априори	31
Априори как форма знания	31
Каким образом интуиция предмета	34
Объективность. Предметность как норма и указание	36

Сходство нас, intellectus.....	37
Мысль должна осенить.....	37
Люди – кандидаты истины	38
Написано, как по рецепту Ницше.....	38
Онтогносеология и ее феноменологический аспект.	
Два полюса	39
Табу как важный момент онтогносеологии.....	40
«Отражение»	41
Из других папок	44
Из истории эстетической мысли.....	44
Постоянное 2d	44
Два прогресса	45
Пословица «На ловца и зверь бежит»	47
Все записано в генах ..	48
Абсолютность классических решений.....	49
Редкость диалектики.....	50
«Наша эпоха», нация, этика ..	51
Примечания.....	52
Часть вторая	
Сейчас вам кажется, что истины нет... ..	54
Герменевтика надежды	55
Мы и ужас окружающей бесконечности	56
Sehr wichtig (очень важно!)	57
Нравственный смысл	58
Оно. Es	62
Моя давняя мысль	63
«Подтасованность». «Одно к одному»	64
Иррационализм	65
Счастье	67
Одно и то же, но не одно и то же!	69
Из подготовительных набросков	
к ненаписанному ответу В. Страде	75
Моя антропология	77
К «смыслу жизни»	79
К теории болезни	80
Из заметок времен войны.....	80
Талант с точки зрения двух полюсов и цикла	81

Часть третья	
Pro domo sua	84
Pro domo sua.....	85
Все люди тщеславны	85
Вспомнилось шутливое изречение	
Андрея Платонова.....	85
Всю жизнь человек разгадывает свою загадку.....	85
Битву можно считать проигранной.....	86
Всю жизнь чувствую себя погруженным в глубину	
неизмеримого океана	87
Мне иногда мешает излишний критицизм	87
Характерная черта времени	88
Вспомнилось.....	88
Я родился и умру мечтателем.....	89
Разговор с Еленой Ефимовной Тагер	90
Разговор в магазине.....	91
Идеал нашей интеллигенции.....	92
Мне говорят, что я оптимист	96
Иногда я испытываю зависть к людям.....	98
Все может надоесть, кроме понимания.....	100
Я живу в искусственном мире	100
В конце двадцатых годов.....	101
Лосев.....	102
Обижаются за то, что Солженицын.....	103
Классика более полна	106
Как трудно было «произнести»	107
О двух полюсах (феноменология духа)	107
«Встречный бой в темноте»	110
Общая формулировка задачи	
современного марксизма	110
Об относительной неизбежности вульгаризации	111
К изданию статей о вульгарной социологии.....	112
Народность	113
К изданию моих статей 30-х годов.....	114
Для понимания культа личности	
и всех подобных поворотов в прежней истории.....	114
К предисловию, дискуссии	
против вульгарной социологии.....	115

К изданию моих исторических этюдов 30-х годов	120
К переработке брошюры	
«Капитализм и духовная культура»	120
Неонародничество в «литературоведении»	122
Pro domo sua	123
Современные проблемы. Реализм, отражение	127
Я тебя породил, я тебя и убью.....	131
К изданию моих статей. К полемике с нашим социологическим и постсоциологическим сбродом.	
Вопреки и благодаря.....	131
Култ и вульгарная социология	132
К предисловию	133
К лекции о народности.....	134
К народности.....	137
Что значит быть современным	137
Предисловие к книжке о Марксе.....	141
Примечания.....	142
Указатель имен	161

Часть первая

Идеал всегда имеет некую реальность...

В 1992 году Л. Я. Рейнгардт познакомила меня с содержанием нескольких папок из архива Мих. Лифшица под общим названием «Varia». По материалам этих папок была подготовлена публикация «Сегодня вам кажется, что истины нет» (Свободная мысль, 1992, № 6), которая увидела свет благодаря доброжелательному отношению к Мих. Лифшицу первого зам. главного редактора этого журнала И. А. Дедкова. Попытка опубликовать в эти годы подборку из других папок архива под заголовком «Идеал всегда имеет некую реальность...» (слова Мих. Лифшица из публикуемой ниже заметки «Два прогресса») в одном из российских философских журналов не увенчалась успехом. Для настоящей публикации заметки из этой подборки заново проверены и снабжены небольшими комментариями. Вступительное слово к ним, написанное в 1992 году, в данном издании по просьбе издателей опускается.

Центральное место в публикуемых ниже заметках из архива Мих. Лифшица занимают вопросы теории

познания, вернее то, что Мих. Лифшиц именовал онтогносеологией (онтологической гносеологией) – не в последнюю очередь потому, что эта теория является отражением нашей эпохи, пережитого страной трагического времени, его идеала, который, будучи и не воплощенным, имеет все же всегда, по словам Мих. Лифшица, «некую реальность».

Наряду с материалами из папки с названием «Онтогносеология» в подборку заметок включены записи из других папок архива Мих. Лифшица, так или иначе оттеняющие главную тему и дающие представление о круге проблем, интересовавших философа.

Названия публикуемых заметок принадлежат Мих. Лифшицу.

В заметках без названия в название вынесены первые слова заметки.

Примечания принадлежат составителю.

В квадратных скобках [] – вставка принадлежит составителю.

Многоточие в квадратных скобках [...] – опущенная составителем по причине неразборчивости часть текста.

Составитель

Перенесение некоторых биологических курьезов в моральный мир

«Покровительственная окраска», благодаря которой выживают насекомые: одни имеют цвет листьев и стеблей, другие, живущие на коре деревьев, напоминают своей окраской кору, третьи, например некоторые бабочки со сложенными крыльями, очень похожи на сухой лист. Покровительственная окраска! Она необходима и в обществе, горе тому, кто ее не имеет.

Некоторые насекомые имеют, наоборот, очень яркую окраску. Эта окраска предупреждает птиц о несъедобности этих насекомых, ибо они имеют очень неприятную на вкус кровь («божья коровка»). Самое замечательное, что некоторые вполне съедобные насекомые маскируются при помощи яркой окраски под несъедобных. Это, однако, не всегда помогает, так как существуют птицы, которые поедают их с аппетитом.

Животным, находящимся в тех глубинах моря, куда еще проникает солнечный свет, нужны такие глаза, которые способны собирать рассеянные слабые лучи, и действительно у многих из них огромные глаза.

Это относится к великим мыслителям темных или слабо освещенных времен – у них действительно огромные глаза. Умы людей более свободных и благоприятных времен можно сравнить

с обычными средними глазами, которым легче достается видение и которые не нуждаются, таким образом, в огромном развитии.

Относительно *determinatio est negatio*^{1*}

Самоопределение человека в мире посредством *фантастического ореола*, окружающего действительные факты и отношения. Обратное тому, что есть (и утверждается, развивается) в жизни. Это – дополнение до $2d^2$, до *полноты*, кот[орая] неизбежно утрачивается в каждом «утверждении», но не только теоретически, ибо речь идет также о более практических вещах – все дифференциации требуют «козла отпущения». Это – *условное, символическое, приблизительное, насильственное* решение неразрешимого. Оно должно иметь форму всеобщности, санкцию всеобщности. Отсюда необыкновенное развитие фантастического мира у детей и дикарей. Именно фантастическое, обратное тому, что есть, *утверждает реальное, практически иное*. Вот решение вопроса о том, живут ли первобытные люди в фантастическом или в реальном мире. Они живут *в последнем, через оправдание и осмысление его посредством обратного*. Роль мнимостей, которые, однако (в отличие от современной рефлексии), играют весьма реальную роль, подчеркивают, утверждают в культурной традиции факты реальной и логической [дифференциации,

* Примечания к словам, помеченным цифрами, см. в конце части.

универсализации? – нрзб.] мира, подчеркивают то, что практично, реально, отличается от фантазии. Отсюда роль трикстера – общественная необходимость озорства, игры, образности. Отсюда *гиперболизм* – это подчеркивание обратного, условная плетенка на горшке... Отсюда вообще мир поэзии, волшебства, *изобразительных образов* (ср. Коран о тех, кто создает живое, не дав ему душу).

Моральное государство

Скверная ложь в этом, старая азиатская ложь. Перенесение на государство семейно-родовых категорий есть самое грубое выражение не-демократизма, деспотизма. Ибо государство свидетельствует о развитии внешних отношений в обществе, связанных с развитием частной собств[енности] и обмена. Родственная же опека есть остаток старого, который в смешении с новыми явлениями цивилизации – государством – дает самый скверный гибрид. Эта *патриархальность* (например, даже в семье, отд[ельные] члены которой обособляются) есть вмешательство в частную жизнь, частная жизнь, что бы это там ни было, становится суррогатом личной *самостоятельности*, а государство, теряя свою публичность, как суррогат всеобщего, приобретает *частный* характер, становится прямой противоположностью нравственности, будучи представлен[о] в качестве воплощения таковой. Освобождение политики

от морали является *до известной степени* прогрессом и для политики и для нравственности.

Рефлексия

Подозрительность часто бывает хуже тех пороков, на которые она обращена, ибо это порочность души. Как ни гадки национальные оскорбления, национальная щепетильность еще гаже. Плохо наступать другому на ногу, но когда вы еще не наступили, а вам уже кричат: «Шляпу надел и думает, что барин»... Дело в том, что подозрительность заключает в себе рефлексию, тогда как любой порок может быть наивен. Рефлексирующая подозрительность выказывает знакомство, и неплохое, человека с тем, что он подозревает.

Условность есть чрезмерная близость к изображаемому предмету, передача предмета предметными чертами. Например, кусок реальной парчи у примитива. Золото (например – Гольбейн). Толстой об употреблении золота в живописи. Чем более предметно, тем более условно. Добросовестный натурализм примитивов (Эгина и Парфенон – тыльная сторона статуй фронтонов). Что в пределе? Сам предмет, изображающий самого себя. Такое искусство существует. Это архитектура.

...*Модель*: развитие искусства возможно, как и развитие демократии, несмотря на враждебность капитализма искусству (и демократии).

Здесь явно выступает момент борьбы и даже классовой борьбы. Он сосредоточен в понятии *вопреки*: «борьба против самодержавия тоже действительна, след[овательно] разумна» (Герцен). Ср[авните] Ленин – «под гнетом рабства, крепостничества, капитализма...»

Но ведь сама эта борьба, это *вопреки* рождается *благодаря*, рождается как момент *антитезы*, отталкивания. И все величие положительного в том, что оно есть *определенное* отрицание отрицания, но – *distinguo*³! – не столь полная власть отрицания, не полное тождество *вопреки* и *благодаря*, потому что одно дело *голое отталкивание*, *антитеза*, другое дело рождение *вопреки* из *благодаря* более гармонич[еским] образом. Ограниченное, несущее в себе безграничное. Здесь в пользу гегелевского «творческого ничто» можно сказать только, что:

1. Это *положительно-ограниченное* не дано все же сначала, а рождается обратным путем, нащупывается, хотя, собственно, только оно представляется материальным бытием не абстрактно, а в *действительном* смысле (слабость абстр[актного] материализма, для которого материя дана *просто* заранее, хотя она лишь абстрактно заранее, след[овательно] *только после* на деле, в действительности, т.е. в развитии).

2. В эпоху Гегеля антитеза, отталкивание и диалектическое отрицание отрицания еще не выделились практически, наглядно. Поэтому у Гегеля нет ни будущего, ни различия между *анархическим* и *революционным* отрицанием. Этот момент развился позднее (в идеологии уже Штирнер, Ницше).

Абстрактно-революционное отрицание неизбежно должно перейти в столь же абстрактное утверждение, «позитивность». Ленин уже видел это!

Пример, конечно, Китай! Смотрите, как сочетается самое абсурдное отрицание культуры и всего «буржуазного» с бешеным национализмом и даже империализмом.

Но – любопытный вопрос! Как [нрзб.] проследить изменение, протекающее в этих антитезах? – Ибо тысячелетия рабства дают подъем абстрактного отрицания, но та новая «позитивность» и то новое рабство, которое из нее вытекает («добровольное»), уже шаг вперед, уже *другое*. Таковы все реставрации...

Ad vocem⁴ Николай Гартман и его решение вопроса теории познания. Вообще «реализм» подобного рода.

Бытие есть нечто объединяющее субъект и объект, и то и другое *есть*. Может ли это служить основой специально для обоснования возможности познания и для обоснования возможности взаимопонимания между объектами, как думает Гартман?

Действительно, и то и другое *есть*, но как бытие субъект и объект не могут представлять собой общее поле с точки зрения познания, это есть общность факта. Отсюда тенденция к отрицанию познания или, вернее, сознания вообще, *сознательного* своеобразия мысли, что ведет к современной амфиболии рефлексивных понятий, то есть к парадоксу: мысль есть факт, но сама мысль об этом есть все же мысль.

Другой и в самом деле убедительной основой для теории познания является то, что связывает субъект и объект не с точки зрения их фактичности, *бытия*, ибо в плоскости бытия их общность преграждается весьма ощутимой разницей между единством материальных объектов и единством духовного мира. Здесь будет царствовать Кант, и вы ничего не поделаете.

То, что связывает субъект и объект *не с точки зрения бытия*, есть разумное содержание, закономерность разума, которая есть и в материальном

бытии, есть и в духовном. Субъект и объект тождественны только в одном отношении – в отношении логоса. Вопрос заключается только в том, представляет ли это тождество фактическое тождество бытия или его нужно понимать именно как тождество в разуме, в разумном содержании. Первый путь есть путь объективного идеализма, путь Гегеля и всей классической немецкой философии. Здесь совершается ошибка, собственно говоря, близкая к ошибке Гартмана, вернее, ошибка последнего есть просто продолжение старого идеализма. Ошибка эта состоит в том, что тождество в разуме, в разумном содержании, в логосе действительности принимается за тождество объекта и субъекта в смысле бытия, в смысле фактическом. Гартман только обнажил, как, впрочем, это сделал уже Дюринг, эту софистическую основу идеализма.

Другой путь – это признать, что разумное содержание есть только разумное содержание, только логос, закономерность, не само фактическое бытие, хотя она *есть*. Разница фактического бытия в его материальности. Разница между материей и ее законом, устройством, формой – есть основа дальнейшего развития между объектом и субъектом. Существует тождество не между субъектом и объектом, а между логическим законом бытия, его разумностью и нашим разумом. Точнее говоря, наш разум есть повторение, концентрация, особое выражение разумности мира.

Обоснование возможности знания дано в нем самом. Мы не можем выскочить за пределы мысли – *это у Канта не ложно, и стремление преодолеть это со стороны современных иррационалистов есть совершенный вздор*, который по-дурацки развивает именно ту амфиболию, которую Кант считал устраненной, а материализм преодолевает по-своему. *Преодоление этой амфиболии Канта* не в развитии ее на иррационалистический лад, не в *фактизации* сознания (подобно тому, как в старом варианте амфиболии реальный мир *логилизировался*), а в том, что мы не можем мыслить иначе как посредством мышления, мы не можем, следовательно, *определить закономерность мира иначе как закономерность*, не можем понять разум иначе, как *разумное* содержание. Это – тавтология, но спасительная. «Я мыслю – следовательно, я существую». Если понимать это как вывод, будто мышление является самой природой моего существования – здесь нет логической убедительности. «Я гуляю – следовательно, я существую». Это – тоже достаточное основание для констатирования факта существования. Но я мыслю, следовательно, у меня есть свойство констатировать факт моего существования, а гуляние не есть такое свойство. Оно нуждается в другом свойстве, которое и есть мышление. Если же у меня есть свойство не только быть, но и мыслить бытие, то «я мыслю, следовательно, бытие мыслимо». Мыслимость бытия есть его объективное свойство, и это объективное свойство мы можем вывести логически из

того факта, что мы мыслим. И это единственный последний логический вывод в пределах логики, в пределах мысли. Дальше начинается простая жвачка. Если же вы скажете, что я мыслю, быть может, не имея данных о том, что бытие мыслимо, то ответ ясен: само сомнение в возможности знания, мышления – есть мысль, есть знание.

Выскочить из мысли нельзя так же, как нельзя выскочить из факта. Вот где уместно соображение о том, что мысль *есть*, как и бытие. Но она есть как мысль, следовательно, бытие мыслимо. Во всем этом есть элемент старой онтологии, старого тождества бытия и мышления, но – как уже указывалось выше – с той разницей, что бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть.

Здесь можно вспомнить Ленина, его мысль о том, что разница между объективным и субъективным не чрезмерна.

Вопрос заключается в том, не переносится ли, таким образом, затруднение с границы между сознанием и бытием на границу между материальным бытием и его разумным, логическим содержанием, или, если хотите, формой? Но это решается легче, ибо проклятая пропасть субъективного мира и внешней реальности – позади. Здесь мы целиком в области объективного или, вернее, в той области, где объективная мыслимость без затруднений переходит в субъективную мысль – как в смысле исторического развития, так и в смысле

объективного содержания. Этот вопрос решается так, как его решали еще натурфилософы Возрождения против Аристотеля.

К проблеме «априорного»

Неполная индукция, $n+1$ как скептическое доказательство того, что в природе вещей нет причинности, нет вообще ничего из наших закономерных понятий и что все сводится к ее более или менее приблизительному описанию, более удачному выбору слов...

Действительно, индукция есть потенциально бесконечный, всегда неполный ряд. Но законченность наших суждений покоится на переходе из количества в *качество*, на актуальной совокупности, на бесконечном, которое дано *сразу*. Не *прерывается* ли бесконечный ряд, не «сосчитан» ли он в каждом пункте. Не является ли каждая из его величин сама по себе пределом бесконечного ряда? Если перенести это понимание в область индукции, то не прерывается ли непрерывное течение опыта законченным синтезом везде, где мы можем прийти к определенным выводам?

Эти законченно синтетические моменты индуктивного ряда – прерогативные инстанции Бэкона, и на них основано наше познание как целое, начиная с познания качества.

Кант и Фихте перенесли актуально-бесконечное в мир нашего сознания, сделав его априорным,

но все вокруг нас есть актуально-бесконечное, каждое качество, каждая «суть бытия», как говорит Аристотель.

Разница между эмпирическим познанием и «априорным» есть, но это разница объективная, разница между «средним членом» ряда и прерогативной инстанцией как пределом. В известном смысле и эта разница относительна – ведь каждая величина есть предел. Но это должно привести нас лишь к тому, что существуют классические величины определенного порядка.

Кантовско-фихтевская априорность равняется объективным классическим инстанциям нашего познания, актуальным бесконечностям действительного мира. Их анализ должен начаться с трансцендентальной эстетики, но с пространства ли и времени или с качества? Це дило треба разжуваты.

Отношения модальности в материальном и духовном мире. Перекрещивание возможности и действительности, «разлитой» всеобщности и целого в истории природы и человека, переходящей в «систему мира» с общественной практикой в центре как переходом из материального и духовного и обратно, с бесконечным пересозданием мира. Повторение модальности в духовном творчестве (искусство и научная мысль) и наиболее разреженная разлитая всеобщая оболочка мира как целого в науке, так же как соответствующая ей

разлитая бесконечность элементарной материальной природы в реальном мире.

Соотношение между разлитыми всеобщностями и актуальными-целыми. Например, в обществе: коллектив и личность, его выражающая, в природе: абстрактные, разлитые всеобщности и конкретные. К первым относятся математические и механические, химические и органические «классы», тогда как вторые – мир вещей и индивидов.

Далее, снова – общество, как разлитая всеобщность и личность, ее выражающая, как целое.

Другие степени целого – «идеальные личности» – формации, классы, нации, как в природе колония полипов предшествует индивиду.

«Общественность» в природе – явление, предшествующее индивиду, а не следующее за ним. Вот что обычно не учитывается. Поэтому и общественные явления, напоминающие «общественность» в природе, напоминающие колонии полипов, – суть также рецепция прежней ступени. Угол зрения для анализа общественности муравьев и пчел. Иллюзия соединения индивидов, тогда как на деле – настоящая индивидуальность здесь отсутствует и у более высоких животных эта общественность либо не развита вовсе, либо развита гораздо слабее.

Если, таким образом, разлитые всеобщности наносят себе выражение в целых, то, в свою очередь, целые становятся носителями более высоких форм разлитой всеобщности: действительность переходит в возможность, и без этого перехода нельзя мыслить себе движение от ступени к ступени...

Перекрещивание путей от возможного к действительному и от действительного к возможному...

Что выше личности? Что основательнее элементарной материи?

Мне кажется, что это так: личность является выражением общества, она же становится и носительницей духовно-всеобщего в искусстве и науке. В этих областях могут быть рецепции низшей ступени. Например, в науке – рационально-эмпирическая сфера; это – возрождение того, что до личности, что собственно может быть отдано кибернетике, хотя и здесь налицо сходство с духовным творчеством в собственном смысле слова.

Искусство и наука, в свою очередь, представляют нам отношение *целого и разлитого* в области духовного творчества. Они невозможны без оптимального сочетания того и другого и являются выражением такового содержания, но с преобладанием того или другого. Так решается вопрос о первенстве.

Дальнейшее соотношение разлитого и целого теряется в *бесконечности созданий* духовного творчества, бесконечности равной и равно неисчерпаемой по отношению к бесконечности материальной природы.

Не лишенное основания в современной онтологии, взятое в основном у Аристотеля, состоит в дополнении отношения материального и духовного отношением модальности, которое проходит через оба мира, так что наиболее действительной является центр мира – область органического, ин-

дивидуального и общественного – («объективного духа»). Неверно только, что все это охватывается понятием «бытие», безразличным к материальному и духовному, хотя переход между ними дан в общественной практике, которая в «центре мира» становится посредствующим звеном его бесконечного пересоздания.

Здесь намечен также необходимый переход от общего анализа движения противоположностей с их тождеством, образованием единств и дифференцированием – к модальным ступеням. Ибо уже выделение оптимального единства есть переход к действительности с ее автономным взаимодействием.

Повторение и творчество

Отражение вообще, в объективном смысле слова, как *репродукция*, воспроизводство. Воспроизводство имеет тот космический смысл, что таким путем *разлитое всеобщее* превращается в *актуальное*. Из бесконечного запаса возможностей идет развитие *действительного*, которое: а) предполагает повторение, мимезис, воспроизведение; б) не является простым продолжением линии, хотя и не есть круг. Оно есть скорее род завихрения вокруг самого себя в поступательном развитии, причем эта действительность, образуемая через воспроизводство в движении вперед, в свою очередь определяет, формирует дальнейшую возможность, которая становится уже определенной возможностью данной, как говорится, «системы».

Это – чисто объективное, онтологическое место мимезиса, воспроизводства, повторения. На этой основе вырастает и активность сознания, которое, как известно, «творит мир», но творит его под условием повторения, отражения действительности. Это повторение есть снова переход из возможности в действительность, актуальность. Повторяя объективный мир, сознание извлекает из него дремлющую актуальную всеобщность и посредством практического формирования человек делает ее реальной.

Таким образом, всякое новое сведение, извлеченное посредством опыта из природы, поступает уже в эту автоматическую систему сознания, которое *повторяет себя – повторяя объективней мир*. Вторичность сознания становится своего рода первичностью для нового опыта. Мимезис по отношению к внешнему миру приобретает род автономии, сознание воспроизводит свой собственный закон, который есть закон повторенной действительности. Диалектика *восприятия* и *априори*. Последнее как *восприятие в его принципе*, мимезис, достигший известной независимости, *автономии воспроизводства*. Это и есть творческая, производящая сила сознания. Точно так же и восприятие есть в известном смысле априори, оно подчиняется известным условиям, каковым условием является воспроизводящий смысл сознания. При этом возникают две формы тождества – одна в пользу повторения, другая – в пользу творчества, автономии. Разница между повторе-

нием и творчеством только в движении единства противоположностей, только между двумя формами тождества повторения и творчества, только в *направлении* развития.

Применим это к эстетической сфере. Возможно ли что-нибудь эстетическое без того, чтобы оно не было *вторичным*, что-то означало, повторяло, превращало *разлитое всеобщее в актуально всеобщее?* Словом, без творческого характера повторения? Попробуйте представить себе такое не вторичное, не повторяющее прекрасное. То, что Н. Гартман болтает о двух планах, есть именно наличие в восприятии эстетического сознания того, что *прекрасное явление* что-то отражает, является вторичным, двойным в своей основе (но вовсе не обязательно двусмысленным и символическим). Возьмите «прекрасное в природе», например красивую окраску насекомых, которая выдает их маскировочное отношение к среде, стилизует совершенно объективно красочные элементы среды. Шире того – *самоотражение среды в пейзаже*. Законченность прекрасного ландшафта есть именно концентрация или, если хотите, воспроизводство дремлющих элементов природы, актуализация их в некотором единстве. *Природа подражает самой себе, поэтому возможно и подражание природе в пейзажной живописи*. Прекрасное в человеческом теле есть также не что иное, как воспроизведение, повторение, отражение природы – все эти формы суть также отпечаток, более действительный, более органический и живой, тех отношений, сил, напряжений,

явлений, которые человеческое тело воспринимает извне и которым оно придает род *автономного существования*, говорящего нам столь многое.

Подражание природе в искусстве есть уже следующая ступень актуализации дремлющих возможностей путем воспроизводства, мимезиса. «Умеющий копировать умеет и творить», – говорит Леонардо.

Нельзя решать те вопросы, которые не подготовлены, не поставлены предварительно мышлением. В постановке заключено и решение вопроса. Думать, что мысль может прямо спрашивать предмет, а не спрашивать предварительно мысль о предмете, это вздор, это не выводит нас из пределов эмпирико-рационального (или «метафизического») мышления. Мысль в известной мере исходит из мысли, а не из предмета. Рассуждения Канта – это повторение аристотелевского «живое из живого», «человек рождает человека». Когда нам кажется, что мы прямо спрашиваем предмет, мы являемся жертвой худших предвзятостей, неосознанных; лучше верно контролировать условия мысли. В этом правота Канта и его теории *априори*, которая позднее развилась в теорию генетизма (у Фихте) и диалектики. Короче говоря, здесь подчеркивается важность *круга* – курица из яйца, яйцо из курицы. Необычайная важность истории философии, история вопроса для самой теории. У Гегеля даже теория по существу сводится к истории вопроса, к истории мышления; мысль достигает абсолютной

истины, когда она полностью возвращается к себе, сознает всю свою предварительную историю. Таково гегелевское развитие теории круга Канта.

Это – другая теоретико-познавательная сторона *вопроса, о взаимодействии людей и обстоятельств*, о воспитании воспитателя.

Не должны ли мы предполагать наличия некоторой *ступени «первоначального накопления»*⁵, которая все же указывает нам на ограниченность движения бесконечности *in giro*⁶? И затем развитие на собственных основах, «автономное», в котором уже курица из яйца и яйцо из курицы?

Отсюда м[ожет] пр[оистекать] ограниченность позиции онтологии – возвращение к *intentio recta*⁷, чистой предметности. Справедливые сомнения кантианцев.

Не забыть и в критике модернизма. До нек[оторой] степени железо добывается из старых кроватей. Бесконечность, неисчерпаемость предметного мира, но – через форму – не через отрицание рефлексии.

Поэтому важнейший источник расширения нашей теории – история философии, а также ответ на каверзные вопросы, поставленные в изощренной враждебной полемике. Вообще – необходимость предварительной постановки и обработки вопроса мышления, мысль от мысли, не прямо от действительности. Но именно *этим путем* и прямо от действительности, если верно поставлен контроль самосознания – иначе говоря, диалектика.

Априори Канта и иррациональное

Ключ к априори Канта

Мы действительно воспринимаем и постигаем лишь то, что соответствует всеобщим формам созерцания и рассудка. Но это не субъективное или не вполне субъективное условие, ибо то, что мы воспринимаем, не является безусловно новым в самой природе, безусловно случайным, безусловно иррациональным, безусловно бессмысленным, неразумным, неидеальным. Факт познания основан на объективном условии разумности, всеобщности, идеальности природы. Следовательно, дело заключается в отыскании этого условия, этого априори объекта или объектов априори, которые следует все же отличать от простого опыта, в чем и заключаются уроки Канта.

Либо полный иррационализм, контингентность факта – либо родственность, сходство между сознанием и бытием, как отражение мира отражается в нем, его непротивопоставленность разуму и смыслу. Это – две возможные позиции. Положительно то, что промежуточность трансцендентального метода более невозможна.

Правда, здесь тоже относительность – чистая логика – тавтология – бессмысленное и пустое тождество заключит[ельных] глав гегелевских сочинений. Но и фактическое, реальное, не-тождественное – относительно.

Кант. Априори

Кантовская идея априори, хотя и неправильно выраженная, но все же впервые так ясно высказанная идея *обусловленности* сознания – контроля над ним, самосознания – в то время как и в старом материализме и в старом скептицизме сознание оставалось без всякой перспективы к самому себе, *абстракт[но] безусловным*. У К[анта] впервые – сознание есть сила, кот[орая] имеет *объективную обусловленность*, не просто находится под внешним влиянием, не просто и эпифеномен. Его собственная «структура», [структура] организма [сознания], следов[ательно] и возможность развития. Оно стало предметом рассмотрения, quasi-объектом, не извне усваивающим закономерность мира, а *подлежащим* ей.

Априори как форма знания и априори как само знание (чистое априори)

[...] Что же касается априорных синтетических суждений, чистого априори, то здесь речь идет о возможности вывода из апперципируемой всеобщности, взятой как квази-предмет, квази-для-себя-бытие, посредством второй абстракции заключенного в ней всеобщего содержания, того самого, которое служит «началом» накопления, оценки и анализа опытных данных. Это второе, более «чистое» абстрактно-всеобщее может дать нечто как бы совершенно независимое от опыта, и притом в двух смыслах: либо концепцию не встреча-

ющейся в реальном опыте чистой всеобщности как эйдоса, как квази-предмета, напр[имер], математический треугольник; потенциальное выступает здесь как актуальное. Парадокс заключается в том, что такая очищенная всеобщность, лишенная всякого соприкосновения с эмпирией, может привести к созданию или, точнее, выделению, ибо человек ничего не создает заново, каких-нибудь чистых элементов, в таком виде не встречающихся в природе. Может привести также к новому синтезу элементов, какого нельзя наблюдать в природе, – синтетические материалы. Таким образом, этим доказывается, что априори не просто идеалистическая выдумка, что она имеет реальное содержание. И не только в том направлении, что основой его является генетическое, родовое содержание для-себя-бытия, превращенное в общую форму, но и в том отношении, что эта общая форма может создать самой себе реальный противобраз. Нечто подобное существует, без сомнения, и в нравственной области: превращая во всеобщую форму родовое условие для-себя-бытия, то есть чего-то фактически реального, мы не только создаем ключ к его развитию (воспитание), но и можем создать, вернее, выделить из общего течения человеческих дел некий реальный противобраз этой всеобщей формы нравственности и собственно каждое нравственное решение, каждый нравственный поступок как таковой, где он выступает как своего рода проблема «прецедента»! Чистый элемент есть именно такой противобраз априори

данной нравственной формы, некое создание, не наблюдавшееся в опыте, не являющееся просто результатом самостоятельного и относительно-нового нравственного вывода. Это – то, что Ясперс называет решением в «пограничных ситуациях» или «крайних положениях».

Но есть еще второй смысл: это – воображаемые миры, создаваемые путем абстрагирования от абстракции реального мира. Здесь принцип квази-предметности выступает в чистом виде. Разумеется, соприкосновение с реальностью есть и здесь. Во-первых, эти квази-предметы соответствуют реальным всеобщностям, не имеющим, не входящим в эйдические формы, слишком общим, разлитым и неопределенным – отношениям и ситуациям, состояниям и т.д. Все это кристаллизуется в абстракции, исчисляется, формализуется. Но созданные небывалые миры математической фантазии имеют и другое соприкосновение с реальностью – они представляют собой ее конварианты, ее возможности, переменные, и в этом смысле абстракция получает здесь свой фантастический противополообраз, подобный реальному образу, но отклоняющийся от него на все возможные значения некоторой переменной. Общее с поэтической фантастикой, но отсутствие наглядности, ибо поэтическая фантастика держится ближе к конкретному эйдосу. Эти воображаемые математические миры, или, как уже сказано выше, способны к созданию своего рода противополообразов, моделей невиданных предметов, или, если речь

идет о самых чистых созданиях математического воображения, являются определенными квази-конкретными способами уловления всеобщего в его разлитой, неопределенной, не-актуальной форме. Эти миры реальны, как доказывает их практическое значение, но реальны не непосредственно, а реальны в *иной модальности*, недоступной предметному для-себя-бытию, формированию чего-то «наглядного». Вот почему они нуждаются в опосредствовании для того, чтобы быть созерцаемыми, для того, чтобы получить реальную форму чего-то предметного. Сие относится и к изучению микрофизических «объектов». Вот почему наблюдение их возможно лишь косвенно, через посредство.

Каким образом интуиция предмета может идти впереди предмета?

Вот каким образом: поскольку существуют *quasi-предметы*, не являющиеся еще собств[енно] предметами. «Очевидность» м[ожет] б[ыть] внут[ренней]. Первое предполагает реальную «кажимость», второе – *quasi-кажимость*, очевидность абстракции, *это и есть априори*. Эта интуиция предмета абстракции может идти впереди реального предмета, хотя интуиция реального предмета не может идти впереди предмета. Но предмет абстракции не есть предмет в конкретном смысле слова. Это абстрактная всеобщность, «лошадность» или «мариность» (если речь идет о де-вушке по имени Марина, имеющейся в одном

экземпляре). Даже если геометрия рассуждает о треугольнике, то это лишь неточность слов, в действительности она имеет в виду «треугольность» как *essence*. Предметы в смысле современной онтологии все таковы, как «мариность». Если теперь сделать их предметами внутреннего его созерцания, то получится априори, идущее впереди предмета, ибо мы перешли от *действительного к возможному*, потенциальному, следовательно, в этой абстракции, внутри создаваемой, могут быть какие-то «чистые элементы» или новые «синтезы», какие не встречаются в природе. В общем, *абстракция и возможность* имеют своим предметом то, что не является *вообще* или не является еще предметом в эйдическом, след[овательно], в действительном смысле. Наиболее широкие из этих абстракций возможности суть *формы и категории Канта*, а процедура их устанавливается, абстрагирование абстракции. Если, вместе с современной наукой, пройти путь «формализации» более конкретных предметов, то открывается более широкая область априори (чем занимается феноменология), иначе говоря – формального изучения существенной стороны определенного круга явлений, что *может принести некоторые не наблюдаемые ранее решения*, как бы извлеченные из самой мысли. И в самом деле, это есть способ изучения *входящих в конкретное целое*, но не всегда укладывающихся в форму особенного эйдоса элементов *единичного и неопределенного* всеобщего (потенциальная бесконечность).

Это оказалось путем, посредством которого стали возможны открытия ненаблюдаемых вещей. Интуиция предмета идет впереди предмета. Это становится сколько-нибудь принципиальным только в двух случаях: а) когда речь идет о чистых элементах, не встречаемых в таком виде в природе (это – «аналоги» абстракции в современном мире), новых, искусственных «синтетических» материалах; б) когда речь идет о явлениях, кот[орые] принципиально не могут быть наблюдаемы. Все это несет на себе печать абстракции и *непредметного*, относится к области *реализованных возможностей*, к чисто потенциальному миру, кот[орый] по-своему, без особенного посредничества объединяет единичное и всеобщее. Это отношение парадоксально.

Объективность. Предметность как норма и указание

Истина есть *сходство* нашего сознания с объектом. – Верно, но также и *несходство* с ним. Необходима дистанция, иначе слишком большая близость должна затемнить независимое существо дела, либо вследствие чрезмерной наглости субъекта, либо вследствие того, что объективная ситуация надвигается на нас и подавляет субъект, либо, наконец, вследствие связи первого и второго как агрессии и кары.

Открывающееся здесь сходство истинного знания и несходства его с объектом, кот[орый]

должен предстать в своей собственной истине, есть тождество, предполагающее всю *систему развития*, *lege artis*⁸, включая истинное и экстремальное тождество сходства и несходства. Сходство сходства и несходства субъекта и объекта – такова суть дела.

Сходство нас, intellectus, и предмета – основная черта истины, но... – несходство тоже черта ее, ибо все же одно дело мысль – другое дело ее внешний объект. Мысль должна оставаться собой, и она остается собой там, где не знает этого (первый полюс сознания). Там она стихийна, *inner directed*⁹, хотя и материально обусловлена.

P.S. Обычно «естествен[ная] установка», etc., рассматривается как чистое прозрачное стекло, скорее в духе истолкования мысли рационализмом XVII века. На самом же деле чем наивнее реализм, тем больше в нем идиоматической стихийности, несходства с моделью, даже «иероглифизма» при полном убеждении, да и факте сходства.

Мысль должна *осенить*, но это возможно лишь благодаря внешнему толчку, каким м[ожет] б[ыть] исключительное явление, или, по крайней мере, что-то прочитанное о нем, или, наконец, случайная ассоциация мысли, в основе которой лежит та же говорящая ситуация.

Люди – кандидаты истины. Но их кандидатура всегда может быть отвергнута ею.

Отброшенные кандидатуры дают себя подавить силой реальности. *Оригинальный союз* субъекта с реальностью – когда мысль, принимая в себя все содержание ее, в то же время остается независимой от нее, на известной дистанции от нее, то есть опирается на какие-то благоприятные для этого обзорные пункты.

[...] Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других – как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов... Одно дело – поглубже вдуматься в причины и значение [...] войны... Другое дело – дать войне *подавить* свою мысль, перестать рассуждать и анализировать *под гнетом* ужасных впечатлений и их мучительных последствий или свойств войны.

Самосознание. Это и значит – быть теоретиком (в отличие от отброшенных «кандидатов»). Рациональное зерно каждой ситуации.

Написано, как по рецепту Ницше. Ложь – бунт против истины.

Любопытно: сумасшедший, притворяющийся сумасшедшим.

Очень ясно, что *возможности* страстно влекут нас. И что это влечение тем острее, чем *преступно*, то есть чем больше они приходят в противоречие с границами, с *условной невозможностью*.

Ложь как возможность *неподчинения истине*, ибо истина есть дисциплина, подчинение ума действительности.

Ложь родственна принципу фантазии как *типу относительности*.

На этом основана идея восхваления лжи у Ницше. Бунт против истины.

Счастье и уменье, истина, мастерство, логика. Соотносительность их. Тожество и две формы их единства. В основе – счастье, кот[оторое] мы нащупываем, и дальше уже начинается культура. Возможно, однако, *культура счастья*, и это, кажется, цель теории познания. Исключить момент счастья в целом невозможно, но и отказать человеку в способности *культивировать* его также нельзя. Все это в теории знания, в нравственности, в праве.

Видимо, это связано с теорией двух полюсов – материального и формального. Материальный полюс – счастье, факт.

Онтогносеология и ее феноменологический аспект. Два полюса

Когда человек засыпает, хранящиеся в его памяти образы вещей начинают дикуую пляску, сочетаясь часто невероятным образом или во всяком случае независимо от обычной дневной перспективы субъекта. Снимается *он сам* как преграда для свободной жизни восприятия им картин. Другое дело, что связь образов тем более зависит от его тела, от положения рук, головы, но она *не удерживается*

рамкой внешнего восприятия. Здесь, как обычно, преобладание материального или, точнее, членного, совпадает с гипертрофией фантазии во сне (так и во всяком темном сознании *imagination*¹⁰). Однако само по себе это явление говорит о *независимости содержаний умственной жизни от нас.* Вот когда они показывают свою автономию!

Схема: Преодоление экрана

Преобладание объекта отражения

Чем более преобладает материальное начало микрокосмоса, тем более фактично, спиритуально начало внешнего мира, макрокосма (в его воображении). *Сон как прообраз архаической поэзии и искусства.*

Чем более реально воспринят воспринимаемый нами мир в его материальном бытии и отношениях, тем более абстрактна, идеальна мысль. Это – полюс виртуозности, мастерства как мышления, так и «подражания действительности» в искусстве.

Каждая сторона (сон, фантазия и явь) по-своему идеальна и материальна.

Это переkreщиванием относится и к посредствующему звену между субъектом и объектом – *искусственной среде и средствах общения.*

Табу как важный момент онтогносеологии

Табу – *запрет.* Природа его в *исключении.* Что-то носит исключительный характер. Бессмыслица с рациональной точки зрения только подчеркивает важность этого открытия, сделанного человеком.

Табу превращается] в сакре – символику исключительного. *Всеобщее должно опираться на исключение из обычного.* Правда, в некоторых табу имеется содержание обычного, типического, например, что-то запрещается женщинам etc. Все же чистое или нечистое, про[фанное ? – нрзб.] или священное – все равно определен[енный] род исключается.

Образование всеобщего через положительное [...] (Позднейшее представление о *безразличии к всеобщему* – полная противоположность.

«Отражение»

Отражается в человеческом сознании то, что отражаемо, имеет *свойство отражаемости*. Вот истинная ...[нрзб.] и обусловленность сознания им самим, то есть по существу реальной вещью вне нас (поскольку она сходится с субъектом), *поскольку она, вообще говоря, отражаема*. Значит, вы стоите на *трансцендентальной* точке зрения и признаете какую-то недоступную *нам вещь в себе*? Да вещь в себе нам недоступна, ибо она еще вовсе не вещь или уже не вещь. Познаваема только вещь для себя, вещь, ставшая собою, а вся остальная протоплазма этого мира только опосредованно [познаваема] через нее.

Не мы отражаем предмет («инструментальный разум»), а он *отражается в нас*. Мы же отражаем его лишь в том смысле, что *intellectus ipse*¹¹ *обладает способностью заставлять вещи отражаться в нас, то есть создавать себе зеркала, посредством*

которых он сам становится зеркалом. *Как возможно поставить вещь в положение зеркала других вещей?* Вот проблема *активного и адекватного сознания*. Вот что значит рассматривать предмет не только в форме объекта, но и в форме субъекта, практически.

Практика должна сделать объект субъектом, должна раскрывать в нас его субъективные свойства, иначе говоря, *сделать* его зеркалом.

Апория опыта, наполняющая наше сознание («нет ничего в нашем уме...»), *intellectus ipse*, необходимы для того, чтобы *идентифицировать* любую вещь опыта. Не то, чтобы разум познавал только самого себя, то есть то, что заранее в нем есть. А то, что он *должен быть прежде, чем его может создать опыт*. Решение априори – материальная деятельность, поворачивающая предмет опыта в идентифицирующее состояние, поскольку, разумеется, он сам способен идентифицироваться таким образом в нас.

Ни частный *опыт*, ни *апперцепция* ума, а *апперцепция самого объекта*, способного *быть в нас, субъективно*.

Находить говорящие ситуации – это человеческая практика или *искусство*. Это другая сторона дела. Здесь круг, взаимодействие решается *привычкой*, ростом субъективно-познавательного начала в практике. Ср[авните] мысль Аристотеля о привычке.

Если со стороны человека важную роль играет понятие *привычки или искусства* в широком смысле слова, то со стороны объекта также есть нечто

подобное *das Werden*¹². Но и в том и в другом случае нельзя обойтись без растущего сокращения периода обращения и ухода в бесконечность.

А то, что понятие *зеркала раздвигается*, совершенно естественно. Ведь при всех соприкосновениях *дифференциал* между объективным и субъективным миром не *устраним*. Таким образом, на стороне каждой из этих гемисфер есть зеркало или особая его сторона – с преимуществом для объективной стороны в смысле *причины* и субъективной в смысле «совершенства», *causa finalis*¹³. Задача мира состоит в том, чтобы причинно-детерминированное сознание, продукт этого мира, *примкнуло через прерогативные инстанции* к более широкому содержанию мира и *замкнуло* его в себе.

Когда я говорю, что слепое сознание, примыкая к более широкому объективному содержанию, *становится шире самого себя*, становится *адекватным и истинным*, это так. Но каким образом становится возможным это *примыкание* в отличие от простого выражения? Только через особые субъективные состояния мира = *идеи, дух вещей*, глаголющий нашими устами, но и нуждающийся в них.

Это последнее также требует *диалектического анализа* – ведь для-себя-бытие предмета должно быть понято, след[овательно] *доведено до более субъективного состояния* в сознании. Его субъективность *отчасти* вне его, *вопреки* ему. Это также м[ожет] б[ыть] понято лишь как практика, материальное развитие под знаком сознания субъективных состояний, духа вещей.

Из других папок

Из истории эстетической мысли. Античная идея: «произведение выше творца», он только демиург, общественный слуга, «и среди детей ничтожных мира...» (1 [первый тезис]).

Лишь в конце античности подъем творческого гения (2 [второй тезис]). Но с объективным миром содержанием.

А ведь эта идея (1) – прообраз позднейшей мысли о том, что в творчестве «сказывается» что-то объективное *вопреки* ограниченности человека. Развитие этой «модели», «топоса» через *реальное унижение* творца (с развитием цивилизации). Но еще до того в поэзии – муза, внушение муз. То же – даймон (ср[авните] «демоническое»). Объективность духа (пневма), в активно-личной форме боги, дающие эйдосы, у Демокрита «впечатление».

Постоянное 2d:

Один человек, видевший французский фильм «Далеко от Вьетнама», сказал мне: «Сколько личной страсти, какая мятежность!» По сравнению с ними мы проигрываем.

Французы мелочны, эгоистичны, расчетливы в частной жизни, и это дополняется духом марсельцев. Мы широки, лишены всякой расчетливости, кроме самой грубой, и сдержанны до апатии...

Разумеется, только в обычном, среднем течении жизни, но приступы энергии также имеют свои особенности и там и здесь.

Все имеет свою обратную сторону и тем самым образует круг, сумму углов треугольника.

Эта «синхрония» имеет, конечно, щель, через которую что-то происходит.

Два прогресса

Наиболее глубокий разрез в этом отношении есть противоположность между тем, что производительно с точки зрения данного способа производства, [то есть] в смысле условной относительной необходимости, и тем, что прогрессивно с общественной точки зрения.

Эта разница наиболее ярко показана Марксом на примере производительности труда при капитализме. Она показывает, что в марксизме играет громадную роль та же, но развитая критика «неестественности» всякого рода исторических явлений, которую он отбрасывает в абстрактном смысле. То, что производительно с точки зрения капитализма, может быть разрушительно с точки зрения общества. И все же – это прогресс, но прогресс условный, исторически-сложившийся, гипертонический, с преобладанием общественной формы *до разрыва единства природы и человека*. И так обстоит дело с каждым способом производства, что необходимо показать. Относится это, в какой-то мере, и к нашей собственной истории.

Но общественный идеал остается, правда, он относительно связан методом *«вопреки»* и *«благодаря»* с данной исторической формой, так что *идеал всегда имеет некую реальность, максимум, возможный в данную эпоху*. За пределами определенной грани начинается то, что производительно *только* с данной точки зрения, в данных исторических рамках. Таким образом, не отменяется и противоположность между прогрессивной и реакционной стороной данного способа производства, но сие уже в форме противоположно направленного движения двух единств, а не абстрактно. В истории капитализма мы видим времена Сешаров¹⁴ и Адамов Смитов, видим и другие силы, даже в самой экономике. Бальзак верно представил отношение «производительного» капитала и капитала, связанного с финансово-ростовщическими операциями. Рост значения последнего равнозначен падению общепрогрессивной роли капитала, хотя не в романтическом и фашистском [нрзб.] вкусе. *Прогресс финансового капитала все более прогресс второй степени.*

Абсолютно то же самое относится, например, к *нравственности*. «В первобытном обществе сестра была одновременно женой, и это было нравственно»¹⁵. Полный релятивизм? Нет, разумеется. Нравственность в данном историческом разрезе и нравственность с общественной точки зрения. Вопреки, благодаря и т[ак] д[алее]. См[отрите] *проблему Вико*.

Таким образом к этому следует добавить, что:

а) прогресс «с общественной точки зрения» создается в истории. Это как бы основа, которая является и «целью», результатом. Видимо, разные способы производства находятся в разном отношении к этой лестнице прогресса; б) идеал прогресса «с общественной точки зрения» заключается в развитии нормального отношения человека и природы, их гармонического единства. Производительность с общественной точки зрения является именно такой общественной производительностью, которая не порывает с естественной основой человеческого бытия. Разумеется, сама естественность носит исторический характер, но не в смысле релятивизма, а в смысле зарождения исторического производства ее. Человек производит и свою собственную природу, свою собственную естественность, хотя природа его в непосредственном смысле является предпосылкой и обязательным участником в этом процессе.

Пословица «На ловца и зверь бежит» и мысль Дидро о всеобщей подтасованности. Это расширило бы идею априори, запроса, предварительного условия на *объективный мир*. Не только практика человека есть априорный запрос, и как мы смотрим на мир, так и он смотрит на нас, но всякая акция, всякое активное состояние относительной и ограниченной части мира вызывает реакцию окружающего, которая как бы портретирует источник

возбуждения. «Как назло» есть одна из сторон этого закона, но не все. А так как все относительно активно, то образуются *узоры случаев*, расположенные относительно источников возбуждения по мере их значительности и образующие всеобщую подтасованность, общий тип среды и направленности *случая...*

Все записано в генах...

1. Все записано в генах и потом только развивается – это глупость.

2. Все записано в генах, однако – нечто развивается, другое подавляется. Таким образом, происходит социальная поправка к биологии – вторая глупость.

3. Нечто записано, но это нечто – *чрезвычайно общее и формальное* (некогда бывшее содержание, превратившееся в формальное условие). У двух воспитанных волчицами волчат повадки проявляются по-разному, лазают по-разному, и есть, конечно, более общая, более формальная *человеческая форма* – ее же не преjdeши. Последнее тоже записано, но в таком общем виде, что допускает самые конкретные редакции.

А самое главное – нечто записано, но записано не просто позитивно, а так, что оно может быть прочитано и наоборот. Истина – в диалектике и негативности развития. А это отчасти предполагается тем, что подвергнуто отрицанию, отчасти и заключает в себе новое.

Возвращение (согласно терминологии Линнея, но возвращение в двух смыслах и отчасти даже в положительном – в смысле развития).

Библия все же великое литературное произведение – она создала образ Хама.

Абсолютность классических решений и драматизма в марксистской философии.

Сомнения противников марксизма (например, философов): вы сводите всю абсолютную драму к противоречиям времени, а потому низводите серьезность проблемы до более плоского уровня.

Вопрос не легкий для марксизма, но ответить можно. Классические решения тоже единичны, тоже представляют собой частный случай, но этот частный случай освещает все. Так, думаю я, обстоит дело с классическим миром Эвклида – Ньютона в физике и математике. Это *частный, но абсолютный случай* – через эти ворота и только через эти ворота ведет путь к бесконечному многообразию природы. Не так ли и с классическими эпохами в искусстве?

Тут я уже стою на более прочной почве. Не «сорок тысяч лет модернизма» с определенными главами реалистич[ески]-условной окраски, а история развития классических эпох, которые являются исключит[ельными] центрами и вершинами в этой юдоли.

Не таким же абсолютным частным случаем являются и те *истинные драмы*, кот[торые] так же неравномерно распределяются в 40 тысячах лет.

Что такие эти 40 тысяч? Почему не 45, не 357 миллионов? Какую длительность драматизма вы считаете абсолютной? Вздор. Все это нелепо, ибо никакое $n+1$ не может исчерпать бесконечное.

Нужно исправить и наше представление о том, что эпохи делятся на *драматические и гармонически-идеальные*. Это очень относительно. Чтобы подняться до уров[ня] драмы, простому ужасу и страданию тоже нужна известная классичность. И единств[енное], что мы можем здесь сделать, это то, что классика *включает в себя драму*.

То решение драмы, кот[орое] наше мировоззрение предполагает, не устраняет вовсе ее бесконечного характера, не сводит ее к мелким исправлениям жизненного благоденствия. Нет, это катарсис. А что он однажды происходит, так ведь и религия учит верить в бесконечный покой [нрзб.] блаженства. Религия превратилась бы в демонизм без этого и тоже была бы скучна. Нет, катарсис должен быть частным абсолютным явлением с той разницей, что и катарсисы всегда бесконечно свежи в других более конкретных областях. А эту уже великую черту, грань, явление вы нам оставьте...

Редкость диалектики

Буржуазная критика с моральной и т[ому] п[одобных] точек зрения марксизм обычно выпрямляет и превращает в деревянный [шаблон] то, что нужно понимать диалектически. Это, конечно, карикатура, демагогия. Но она объясняется

тем, что диалектическая кривая часто выпрямляется самими... [нрзб.]. Ибо диалектика трудна. Да, если бы можно было ее «соблюсти»! Но, боюсь, поэтому и проходит колесо по живому месту, что необходимость диалектики дана, как дана ее невозможность или крайняя исключительность ее примеров. В лучшем случае (как у Сталина) она так груба, что держится на грани метафизики и софистики, как *диалектика второго сорта*, подобно тому, как все бывает двух типов. Но я думаю, что эт[а трудность] диалектики имеет реальные исторические корни.

«Наша эпоха», нация, этика...

Щедрин: кабы вы не были такие сволочи, так и эпоха была бы другая.

Возможно ли наше участие в эпохе? Почему так фатально? Чем руководствовались те, кто создал эту эпоху, которая подчиняет нас себе? Почему именно *такой* должна быть наша эпоха?

Представьте себе, что перед нами не художник, а изобретатель. Он руководствуется принципом целесообразности. Это понятно. Но что если бы он однажды начал создавать не целесообразные конструкции, а те, кот[орые] соотв[етствуют] его эпохе. Как знать, какие именно соответствуют? Если нет ни целесообразности, ни какого-нибудь другого объективного критерия, например девизны, то остается только неопределенность с одним критерием – не так было в другие эпохи. Т[о] е[сть] пустая негативная рефлексия.

Примечания

- ¹ Determinatio est negatio – всякое определение есть отрицание (*лат.*) – известный тезис Спинозы.
- ² 2d – геометрическое выражение, означающее поворот на два радиуса, на 360 градусов – полный круг.
- ³ Я различаю (*лат.*).
- ⁴ По поводу (*лат.*).
- ⁵ См. главу о «первоначальном накоплении» в первом томе «Капитала» К. Маркса.
- ⁶ В круге (*итальянск.*).
- ⁷ Intentio recta – «прямое определение» понятия или предмета, представляющегося внешним по отношению к гносеологической связи (в то время как intentio obliqua, «косвенное определение», – внутренним). Оба вида (*лат.* – modi) этого определения называют соответственно modus rectus и modus obliquus. См. об этих понятиях в папке № 144, с. 195 архива Мих. Лифшица: «Терминология (по Brentano [?], но у него иначе): In recto – прямое выражение предмета. In obliquo – через рефлексию с привлечением(?), например, условий места и времени и сознанием относительности всякого прямого восприятия». См. применение этих понятий Мих. Лифшицем при анализе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Фантастический мир Булгакова нужно понимать не в первой, а во второй интенции» // Лифшиц Мих. Почему я не модернист? М.: 2009. С. 555. См. также об этих понятиях: Лифшиц Мих. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М., 2004. С. 299–300.
- ⁸ По правилам (логического) искусства (*лат.*).
- ⁹ Поведение, определяемое внутренними причинами (*англ.*), в социальной психологии – субъект, действующий в соответствии с собственными взглядами (не общепризнанными). В заметках Мих. Лифшица из папки № 45 есть следующие строки, относящиеся к толкованию данного выражения: «В случае с самолетом

негативная ориентация (при общей абстракции курса) реальна. Самолет other directed man Рисмена. В живых и общественных «системах» преобладание негативной ориентации обратно пропорционально наличию положительного импульса, inner directed. Движение становится все более формальным и безразличным к содержанию дела. Это болезнь и смерть. Само собой разумеется, что разница относительна – на этом основана полезность кибернетики, ее претензии на всеобщее значение. Абсолютного inner directed нет» (с. 11). В статье Мих. Лифшица «Карл Маркс и современная культура» читаем: «Нельзя сказать, чтобы это существо, лишенное центра в самом себе, целиком составленное из внешних влияний (other directed man, по терминологии Дэвида Рисмена), спокойно принимало свою участь».

¹⁰ Imaginatio (лат.) – воображение, представление; свойство чувственной души, хранить образы, полученные от отдельных чувств.

¹¹ Разум как таковой (лат.).

¹² Становление (нем.).

¹³ Конечная причина; то, ради чего осуществляется действие (лат.).

¹⁴ Давид Сешар – образ талантливого ученого и предпринимателя по прозвищу «Простак» из романа Бальзака «Утраченные иллюзии», изобретение которого было грабительски присвоено конкурентами. Бальзак создает впечатляющую картину того, как происходит – с железной необходимостью – экспроприация интеллектуальной собственности в современном обществе ловкими пройдохами, одержать победу над которыми такие люди, как Д. Сешар, не имеют ни единого шанса.

¹⁵ Мих. Лифшиц цитирует здесь известные слова К. Маркса.

Часть вторая

Сейчас вам кажется, что истины нет... *

Случайные на первый взгляд наброски этого раздела настоящей книги объединены вечными сюжетами, традиционными для философии и религии: смысл бытия и смысл человеческой жизни, счастье и надежда, бесконечное, добро и зло, истина и справедливость. Возможно, перед нами фрагменты главной книги Лифшица, которая так и не была написана. Читая М. А. Лифшица, учишься понимать грани, переходы смысла в свою противоположность, в неразумие. Именно на подвижности этих граней часто паразитирует господствующая идеология времени, превращающая частную истину в большую ложь. Задача Лифшица иная: в любых, самых сложных и запутанных переходах и взаимодействиях истины и лжи обнаружить положительное начало бытия, дающее человеку силу жить достойно. Составитель стремился сохранить тот мозаичный характер расположения заметок, какой они имеют в архивных папках, дабы не навязать автору чуждую ему логику.

Составитель

* Впервые опубликовано: Свободная мысль. 1992. № 6. С. 99–112.

Герменевтика надежды

«Что последнее в жизни? – спросили Сократа. – Надежда» (Диоген Лаэртский). Почему же так сильно то состояние души, которое обманчиво увлекает нас даже в безнадежных состояниях? Больные смертельной болезнью не теряют надежды. Люди надеялись на загробную жизнь.

Это потому, что жизнь в ее актуальном состоянии, в отличие от разлитой во всей мировой жизни, могла развиваться только за счет «индивидуализации», обособления в одном. Мы все – разорванные фрагменты всеобщей жизни. Но жизнь по самой природе своей бесконечна. Смерть неестественна, по выражению Герцена. Надежда есть постоянное присутствие в человеке сознания бесконечности жизни, сознания, которое вместе с тем сознает тесные границы своего существования (сопоставить с Кьеркегором и «Prinzip – Hoffnung» (принцип надежды).

1978г.

Шкловский (астроном) говорил мне, что предположение, согласно которому в мире есть только одна колония разумных существ, оставляет человека в страшном одиночестве. Мне кажется, что это одиночество будет только подчеркнуто, если принять, что таких колоний несколько или неопределенное большое число. Одиночество человека в мире есть сознание, проистекающее и такого взгляда, что окружающий его физический,

да и общественный мир безразличен к его внутренней жизни как отрешенный от нее и безжалостный мир. Одиночество в этом реальном отношении одинаково у нас на земле или в космосе.

70-е годы

Мы и ужас окружающей бесконечности

[К статье В. Амбарцумяна «Одинок ли человек во Вселенной?». – «Литературная газета», 26 февраля 1969 года]

Не так страшно.

Во-первых, та ужасающая бесконечность и пустота «космоса», которая производит на нас такое впечатление. Это – ничто по сравнению с еще более бесконечной бесконечностью, если можно так выразиться. Это отрицание отрицания направляет нашу бедную богатую фантазию и возвращает некоторое тепло.

Во-вторых, мы сидим тысячелетиями на атомных силах и на объектах, не зная об их существовании. В природе все определенным образом сложилось, и мы являемся выражением ее относительной гармонии, *местной*, конечно, но имеющей шанс в том, что и дисгармония не прямо бесконечна.

Что касается «одинокства» человека и его ужаса, то *все* одиноко. Точнее – все проходит через одно отверстие на каждом уровне. Серийная,

типовая закономерность образуется из перехода качества в количество.

Естественные науки не учитывают в достаточной мере момент необратимости, однократности, всемирной истории природы.

Шансы на то, что имеются независимые образования, подобные человеческим, на конечных расстояниях друг от друга, невелики.

Sehr wichtig (очень важно!)

То, что душа *уходит из тела*, не могло быть и не было простой глупостью. В этой мысли наивной выражается тот факт, что душа или жизнь *не в теле самом по себе*. Это что-то общее, принадлежащее внешнему миру, не тождественное с телом и не абсолютно в нем! Relation, Reaction, Reflexion (отношение, реакция, рефлексия). Пересмотр [нрзб.] элементарного материализма.

– Веришь ли ты в Бога?

– Я верю в *максимум* всех вещей.

– Но он добрый, твой максимум?

– Откуда же люди взяли свое понятие о добре, если это не является слепком с некоторых закономерностей природы и *общества*, доказательством того, что добро не совсем бессильно среди фактов объективной жизни, а сама жизнь не совершенно равнодушна к добру и злу. Разумеется, карась-идеалист был неправ.

50–60-е годы

Нравственный смысл

«Отец Сергей». Как это близко, в сущности, к Чернышевскому! Главная опасность – гордость, добро не может быть делом упорного стремления к внешней цели, даже если при этом успешно поддается тщеславие. Отец Сергей ближе к добру, когда стал великим грешником, чем в те минуты, когда он испытывает гордое удовлетворение от покаяния всего людского. Идеал – Пашенька, делающая добро людям, не зная этого, и *искренне*, именно искренне убежденная в своем ничтожестве. Вот эта опасность благодеяния сверху и эта опасность стремления к цели и обнаруживает связь даже не показной, а искренней, но опутанной неравенством добродетели с огромным и всезаражающим злом мира. Добро – это лишь непосредственная, без благодеяния сверху и без дистанции к другому человеку делаемая польза. Такое добро есть идеал самопроизвольного, непосредственно общественного поведения, общественность, ставшая природой, – не мораль, а нравственность в смысле Гельдерлина и Гегеля.

Все на свете есть или *испытание*, или *кара*, или *воздаяние*, или *предназначение* (Вольтер).

Да, это так, несмотря на попытку Задига возразить.

Что касается *punition* (кара) – этот вопрос имеет наиболее ясную судьбу. Но следует также

перевести на язык реальной жизни и другие категории этой религиозной мысли.

Все есть также «*испытание*». Испытание способности, зрелости, силы. Но равно и испытание нравственное. Испытание зрелости – это необходимое выражение того факта, что своевременность определенного достижения, достоверность того, что мое действие есть именно то, что является его программой, а не попросту потугой, пленной мысли раздражением, водой на чужую мельницу или удобрением почвы – есть именно дело испытания, а не рассудочно предвидимый факт. Откуда этот элемент *фактичности* самого *идеального* содержания? Это тот же общий вопрос – откуда начало, рождающееся в конце, откуда то, что есть лишь то, что действительно сделано, «по плодам их узнаете их».

Религиозная мысль, таким образом, согласно которой верующий подвергается испытанию в этом мире, есть то же самое, что излагает Гегель (хотя и односторонне, как и религия). Вес и достоинство этой монеты здесь хорошо известны, но скажите – имеется ли она в твоём кармане? Разница между программой добра и тем, что прошло испытание действительности и выдержало его. Задним числом определяется ценность исходного пункта. Это форма выражения примата действительности и слабости чисто идеального, так же как многообразия значений, которое все абстрактное поручает реальности, и относительно окончательный приговор над ним.

Слабость «теории испытания» состоит лишь в том, что испытание само подвергается еще более конкретному испытанию, которое может реабилитировать относительный приговор судьбы. *Фатальность в испытании не абсолютно окончательная.* Нравственное сознание, даже потерпевшее поражение, тем самым еще не осуждено на роль благородного, но бессильного вздоха.

Что касается нравственной стороны испытания, то она также имеет реальный смысл. Например, переход от индивидуального преступления, как протеста против зла социального (у Вольтера – разбойник Арбогад), к бунту и даже революции, когда отрицание приобретает всеобщность и позитивные творческие черты. Это – *épreuve* (испытание) нравственной силы, не просто силы. Простое разбойничество обратным путем восстанавливает господствующую систему, в которой есть и конформистское лицо, и анархическая изнанка. Победа материальная может быть связана с утратой морального качества и потому чревата поражением.

Понятие «испытание» глубже или шире моего понятия «вызова». *Человек испытывает природу и свою собственную социальную судьбу.* В понятии «вызов» есть нечто прагматическое, субъективное, испытание более объективно.

Проблема *recompense* (воздаяние) так же, как и проблема *punition* (кара), связана с *épreuve* (испытание) в объективном, следовательно, отчасти страдательном, не просто активном смысле.

Активность человека есть его испытание, то есть нечто отчасти невольное, не ему самому принадлежащее, не им вызванное, а необходимостью, в которой есть некоторый смысл, но связь вещей выясняется только задним числом. *Rescompense* (воздаяние) менее достоверно, чем *punition* (кара), по той причине, что *человек греховен*, или, в переводе на язык материализма, он претендует на нечто большее, чем ему доступно, особенно – как отдельному куску жизни, как смертной личности. Эта претензия, с которой начинается мировая история человеческого рода, есть его первородный грех. Религия выстроила свое здание, конечно, не на пустом месте. С греха начинается падение воображаемого царства предков, единых с природой. Некоторое *rescompense* (воздаяние) ему доступно (в меру его *prudence* – знания своего места), и эта область должна расти на фоне неизбежных утрат. Нужно выдержать *épreuve* (испытание), и тогда приходит светлое искупление.

Наконец, *prevoiance* (предназначение) имеет у Вольтера значение, поясняемое ангелом: знаешь ли ты, что ты послан в этот мир, чтобы избавить от горя ребенка, считающего себя самым несчастнейшим человеком в мире?

Таким образом, *это предназначение, миссия*. Имеют ли наши действия значение «миссии», или они – голые факты?

Да, для исторического материализма понятие *prevoiance* (предназначение) имеет свое значение, несмотря на все надежды народников,

односторонне развивавших герценовское отрицание мировой истории и других критиков. Этот круг реальности нужно развить. Он этого заслуживает не менее, чем идея кары. Одно из доказательств – миссия и «бичей божиих» в истории, отчасти и миссия спасителей мира. Человек, имеющий «миссию», народ и класс [нрзб.] «историческая миссия пролетариата». Не пора ли развить полное значение этой метафоры?

Твардовский: Если меня будут бить, мучить, то я могу сказать все, что угодно, но это уже буду не я, а что-то другое.

Верно, братец, – но если тебя раскормить, разбаловать, дать тебе монополию жизни, то ведь это будет опять-таки что-то другое, не ты.

Может быть, тебя вообще нет, а есть только что-то другое? Каждый раз что-то другое?

Или это преждевременный вывод, отменяющий всякое «я». Или это формула для дрянного «я». Почему же говорят – друзья познаются в беде, люди раскрывают себя в испытаниях. Значит, одно переходит в другое и есть извечная мера испытания и в дурную и в хорошую стороны: есть предел вменяемости, разный у каждого.

Оно. Es

Для того чтобы уснуть, мало хотеть спать, нужно, чтобы *хотелось* спать. И так во всяком

серьезном деле (не удивляйтесь, что я считаю сон серьезным делом). В этом смысле мысль Фрейда не ложна. В нас действует и должно действовать «оно». Но это не внутренняя сила, [а] наша *ячейка* в мире, наше определенное и можно даже сказать *персональное отношение* к бесконечности, *совокупность наших отношений* к окружающим бесконечным мирам.

Я не знаю, как назвать это «оно», однако название все-таки необходимо.

Моя давняя мысль

В старом искусстве на лицах палачей, мучающих свои жертвы, мы видим умиление или сочувствие. Поверхностно рассуждая, это просто недостаток характерного, изображения обособленных индивидуальностей и их типичных действий. Это действительно так, но недостаток этого отчасти и благо. Этот недостаток есть присутствие положительного целого, не распавшегося в себе идеального. Развитие же характерного и антитетичного [нрзб.] приводит в дальнейшем к обратному результату, падению *всеобщей идеальной сущности*, развивающейся в искусстве.

Это относится к разработке *ситуации*.

Изобразите палачей так умиленно сейчас – и будет подлость.

август 1966 года

«Подтасованность». «Одно к одному»

Одно к одному – и человек заболевает, одно к одному – и он любит. Одно к одному – великий закон собраний отдельных шумов и черточек, хаотически расположенных в один узор. Таким узором является уже качество и то, что Гегель называет переходом из количества в качество, есть тоже процесс «один к одному», то есть определения смысла и формально-идеального завершения.

Онтологический процесс есть и процесс сложения разумного смысла вселенной, гегелевская логика. Ему, конечно, хорошо было талдычить (прошу извинения) об идее, духе, разуме и т. д. А попробуйте объяснить сущность дела в наших представлениях и современному человечку! Но всеми этими «идеями» он и затемнил свою глубокую конкретность, свои достижения и, к сожалению, повредил себе. Но таковы были его обстоятельства, а наши, может быть, еще менее выгодны.

Людовик XV: «Любую, но сводите ее сначала в баню и к дантисту».

Забавно сопоставить это с ожиданием Татьяны – «душа ждала... кого-нибудь».

Человеческие границы этим определяются в любом направлении. А все-таки нет ничего выше сближения жизней, кусков разорванного жизненного целого, стремящихся к единству. Миф об андрогидах – глубокая тема. Нет ли чего-нибудь в мифологии, что предвещало бы «Обнимитесь,

миллионы!» Шиллера? То, что религиозные мыслители называют «презанс» – вот оно! Прочтите у Джона Рида описание провозглашения Советской власти.

Эмпедокл!..

ноябрь 1967 года

Иррационализм

[Заметка по поводу статьи М. Туровской о повести Дюрренматта «Авария». – «Литературная газета», 2 августа 1966 года]

Дюрренматт – «мир аварий».

Несомненно, что в современном мире, как и в политике, так и в быту, господствует массовая рассудочная логика более чем средних людей, так что драматизм решений можно ждать лишь от аварий. Но аварии только «придирка истории», большая логика идет своим путем.

Очень уж серьезно, m-me Туровская!

А суть дела Вы не уловили. Не знаю, уловили автор, ибо не читал его произведения. Но суть – вот она: где все явления теряют свою особенность и, если хотите, случайность и подчиняются массовой статистической логике, серийному закону, там движущим рычагом, вносящим оживление, «сюжет», может быть лишь неточность, отклонение. Вот Вам источник Вашего иррационального! «Мир аварий». Но это в своем роде уже

было – было в больших муравейниках азиатских деспотий. Там тоже логика развития поручала свое дело исключительному случаю, это был «мир чудес». Но логика развития, большая логика, все же не уступает своей истинной роли, а только противоречиво отказывается от своего прямого действия, пользуясь случайностью, «аварией». Смерть деспота есть «авария». Взрыв завода атомных бомб или прорыв плотины не просто авария, иррациональное. Хотя случайность здесь – повод, как необходимость есть нечто выступающее в иррациональной форме. Есть другая форма единства всеобщей логики и случайного – в ней, конечно, тоже может быть трагизм, но более свободный, человечески понятный, трагизм греков или эпохи Возрождения.

Значит, М. Туровская не поняла, что иррациональность мира аварий проистекает именно из сугубой рационализации и автоматизации всего, в том числе и «идеалов». Это – первое. Во-вторых, она принимает кризис логики всерьез, разделяя глупость современных иррационалистов. В том, что она пишет, – скрытый восторг. Ее анализ на уровне той идеологии, кот[орую] она анализирует.

Нужно было бы написать книгу *Современная идеология* (подобно «Немецкой идеологии»). *Критика нечистого разума*.

Мечта – близкая соседка зависти. С другой стороны, зависть соседствует с чувством справедливости.

Счастье

Оно состоит в достижении полноты существования. Это доказывается простым перечислением.

Другими словами, счастье – еще одна сторона «абсолютной истины», высшей действительности и полноты.

Но счастье относится к сфере личности или, по крайней мере, должно быть испытано ею. А единичное существо не может включить в себя полноту существования. Отсюда элемент разочарования – односторонность всего испытанного. «Фауст» Пушкина. И отсюда также «Удовольствие предвосхищения выше удовольствия обладания» Гельвеция.

Счастье в будущем живет, настоящее уныло.

Счастливы те, кто может жить будущим. Счастливы отдельные люди и народы, живущие будущим, счастливы мгновения, открывающие нам будущее. Несчастлив тот, кто не имеет будущего, кто знает, что он уже не увидит его – каковы бы ни были утешения.

Против теории [одного] настоящего, против тех, кто против будущего (экзистенциализм, etc). Остается: что пройдет, то будет мило.

Вечное в демонике: *бунт против узости* разумного в мире, против того, что и в самой природе разум пролагает свою дорогу, навязываясь насильственно.

Грехопадение логодицеи в самой природе – низкие средства и Немезида.

«Грабь награбленное!» – это вещь такая, которой конца нет, передель!

Когда началось отречение от нэпа, сначала нэпманов разоряли. Их облагали все более высокими налогами и требовали уплаты их по несколько раз. Один маленький хозяин типографии, помещавшейся в подвале и печатавшей объявления, уплатил все, что с него причиталось, но «фин» требовал еще, хотя квитанции об уплате были налицо. Тут действовало правило: «истина имеет классовый характер», «бесклассовой истины нет». Нэпман, зная Луначарского, кажется, оказывал ему какие-то услуги в былые времена, и тот обратился в Наркомпрос. А. В. написал Крыленко письмо примерно такого содержания: «мы можем отменить те законы, которые сами издали, но мы не имеем права развращать наш аппарат беззаконием и ложью».

Ответ был краток: «Анатолий Васильевич! Охота Вам защищать нэпманов!»

Вспомнил ли этот случай Крыленко, когда его самого взяли за бока, приписывая ему ложное дело?

Молотову на конференции задали вопрос: «У нас на селе есть поп, но он против советской

власти не агитирует. Как быть?» Молотов ответил: «Поп у вас есть. А пруд есть?»

Бешеные аплодисменты. Дело было в начале тридцатых годов.

Андрей Платонов, сидя за стопкой водки в нашей доброй компании и узнав, что арестован Динамов или другой какой-то сатрап, окруженный теперь венцом мученичества, сказал: «Братцы, а не в нашу ли это пользу?»

Когда старая русская интеллигенция (предреволюционная, «специалисты» и «модернисты») почувствовала необходимость приспособления к новой власти, она вспомнила свою пресыщенность разумом и культурой. И это сплошь с мелкобуржуазным уравнильным бунтом снизу – на горе «идеологии» Октябрьской революции – марксизму.

Ни одно из зол, от которых мы страдаем, не происходит оттого, что оно не имеет «достаточного основания». Все вырастает из доброго зерна, а последствия ужасны. Поэтому, если говорить о теории, то главное и единственное зло – минус *диалектики* исторического развития верных начал. Но, разумеется, если бы дело было просто в теории!

Одно и то же, но не одно и то же!

Если существует явление: «И верно, да скверно!», то существует, увы, и обратное явление:

«И скверно, да верно!» Сюда относятся злобные предсказания Мережковского, ядовитые критики Изгоева и Философова, реакционные утопии Замятина, Олдоса Хаксли и Орвелла.

Первое суть явление карикатуры на марксизм, отмеченное Лениным как явление не случайное и, в этом смысле, объективное (Ленин вообще рассматривал такие явления как феномен общественной жизни, а не как простые ошибки и преступления, то есть не с точки зрения абстрактной логики, целесообразности и морали). Ленин заметил также, что существует совпадение между карикатурой внешней, сатирической и ее осуществлением, реальной моделью, как будто оправдывающей реакционную критику и предсказания.

Второе – это явление «классовой правды врага», то рациональное содержание, которое содержится в самых злобных выпадах против социализма.

Вот теперь мы видим, что приходится иногда повторять журнал «Свобода и культура» или даже «Вехи». Выходит, белогвардейцы были правы!

Но вообще – как бы ни были противоположны точки зрения, существует объективное содержание человеческой мысли. Поэтому совпадения возможны. Но когда двое говорят одно и то же – они говорят не одно и то же, а совсем разное. До какой степени нужно остерегаться говорить одно и то же? Наша задача не допустить влияния общей формы, штампа, окончательных выводов, связанных с определенным классовым толкованием объективной истины, на само содержание дела.

В остальном бояться нечего. Бояться же вообще совпадения – значит рассматривать человеческую мысль как утробный голос известной социальной позиции, как чисто субъективное построение, вроде «психоидеологии».

Исторически важно было бы рассмотреть ряд подобных совпадений с различным смыслом, например, хотя бы руссоизм и шатобрианство. А Ленин и оборончество и проповедь «не укради»?

1. Важность этой проблемы с точки зрения сегодняшнего дня. Мы вынуждены теперь критиковать революцию. Если присмотреться к тому, что отвергают самые «правые» наши элементы, то окажется, что это ужаснуло бы людей начала революции. Все отрицают, например, формулу «цель оправдывает средства». А помните те времена, когда хотели реабилитировать Нечаева, когда Сарабьянов развивал свою нравственную теорию? Кто теперь подпишется под этим? Так что же, вы подпишетесь под кадетскими рассуждениями о нравственности и культуре?

2. Важность этой проблемы с точки зрения теории познания. Ленин и объективные феномены общественной жизни и общественной идеологии. Смесь истинного и ложного в них.

3. Важность с точки зрения истории общественной мысли, в которой мы все ищем абстрактных разграничительных линий, боясь диалектических схождений и расхождений идей, вплоть до соприкосновения противоположного.

Страшно! Старая «чуждая» интеллигенция была во многом более своя, чем эта, вышедшая из народа.

См. Луначарский. Силуэты, стр. 75.

Дубельт писал – «Дай крестьянину, как он есть, свободу, у него сейчас явятся разные затеи, он сейчас бросит свой родной кров и пойдет шататься. Вот теплое его гнездышко и разорилось. Сына станет учить грамоте, а тот выучится и станет развращать свои понятия чтением гадкой нынешней литературы. Журналы собьют его с толку, а повести и романы сведут совсем с ума! Вот он станет судить и рядить; тут явится честолюбие, надо быть чем-нибудь повыше, – когда же тут землю пахать!» («Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 150).

– Вот, оказывается, не только Мережковский и не только Берк, а сам Дубельт что-то предвидел. Окончит философский факультет и не захочет землю пахать. Мало того – будет судить и рядить о теории информации и теории управления, а главное, честолюбие, честолюбие! Все захотят стать докторами и директорами – вот все и пойдет прахом.

– Теперь есть план дома на три тысячи квартир в виде дерева. Интересно...

– Шведы построили в виде шара.

Слушая эти разговоры «еле-элегантного» обывателя, начинаешь понимать, откуда этот массовый успех модернизма. Нужна «экзатера-

ция» для тысячеликвой толпы, как писал Герцен. Это то же самое, что резкий крик рекламы, сияние светской жизни и звезд экрана, рекорды – один выпил больше пива, чем двадцать человек, другой перетанцевал, третий...

Тонкий слой «культуры» при громадном напоре снизу и невозможность самостоятельного развития личности. Живое, конкретное, человеческое утопает в этих суррогатах идеала. И вот причина неожиданного прилива сил к анархическому разложению и бунту как мировому явлению.

Эта карикатура на равенство и счастье всех соответствует *форме прогресса № 2* – неорганическое единство, единообразие общества. Как это связывается с *марксистской теорией поляризации противоположностей* – вот вопрос!

А между тем эта форма развития имеет всеобщий характер. На ней основана вся Азия, все первые классовые цивилизации. На ней основан Рим. Имеет ли она всеобщий эквивалент *экономический*?

Начало мая 1974 года, статья в «Форчун»: «Кто будет делать черную работу?» Естественное уравнение зарплат – никто не хочет делать черную работу, поэтому зарплата за эти функции и все блага получаемые увеличиваются.

Скорее к обществу, в котором нет распределяющей справедливости Аристотеля! Иначе естественно нарастающее равенство людей приведет,

и уже приводит, к темным последствиям. Послушайте, с каким презрением не худо живущие пролетарии неквалифицированных работ, включая уборщиц, дежурных, сиделок, дворников, продавщиц, толкуют об «ученых» и «училках».

Демократия, но демократия смердяковская, плебисцитная и грозящая миру некоторым понижением жажды образования. Впрочем, и жажда образования как стремление к одной лишь «квалификации», *мания дипломов* стоит той же смердяковщины.

– Вы против революции? Но все остальное в истории – это реставрация, а их не было бы без революций. Точным было бы назвать их узурпациями, потому что они присвоили себе то, что делали революции.

– Значит, можно было обойтись без революций?

– Нет, это значит, что можно было бы обойтись без реставраций, если бы революции были достаточно последовательными и всесторонними, не оставляли ничего для своих противников. Натуральный продукт все-таки имеет большую ценность, чем эрзац.

Бывают времена, когда слова кажутся богатыми значением, бесконечно драгоценными по своему содержанию, и бывает наоборот, что они пустотой становятся, только «слова, слова, слова!».

Потом они снова наливаются живыми соками жизни, снова вдохновляют и манят, дразнят воображение.

В 1908 г., например, они опустели, и, казалось, имеют значение только те слова, которые говорят о пустоте всех слов на свете.

А десять лет спустя – жизнь стала перманентным митингом. Я помню это, помню ходячее выражение начала двадцатых годов: «Не агитируйте меня, я уже давно сагитирован!»

Так что же? Вечный круговорот на одном месте? Нет, поступательное движение есть – это урок: и словам не нужно верить с таким безусловным фанатизмом, и думать, что все слова на свете пустые, – еще хуже.

Как бы то ни было, в этом уроке есть прогресс к диалектической полноте истины.

Дух не умер, а это главное. Если сравнивать анекдоты царских времен, которые я помню с детства, и анекдоты советского времени, какой прогресс! Гораздо больший, чем в металлургии и химии. Одни анекдоты 1937 года чего стоят! Нет, это общество не умрет.

**[Из подготовительных набросков
к ненаписанному ответу В. Страде]**

Вы говорите, что Сталин опирался на худшие элементы. Верно. Почему на худшие? Потому что не восприн[имал] лучшее в 30-х гг.

Чем отлич[аются] их нынешние речи? Ничем. То же, что в двадцатые, то же, что в 30-х гг., и то же, что Вы говорите. Дух инструментален, можно гнуть куда угодно для пользы или потому, что таков наш внутренний диктат.

Это классовая обусловленность гуманизмом или даже партийностью, как Гароди – дело не меняется.

Ведь это для Вас нет абсолютных ценностей, все предопределено временем, личностью, политической. – А этому и не верят.

1. Вы говорите, что после 1935 г. приходилось ждать до 1972 г., чтобы снова встретить меня. А Вам не приходило в голову, каким образом это могло произойти, в то время как многие защитники «нового» в те годы прекрасно существовали?

2. Вы говорите о «ренессансе Лифшица» – допустим, но не желаете сказать, что я начал снова писать вследствие полной необходимости стать на защиту марксизма от воздействия интегральной бурж[уазной] идеологии и у нас. Да, я должен был молчать, а теперь могу говорить, но не хочу говорить то, что Вы.

3. *Драма* – драма всего марксизма, не первая и, может быть, не последняя.

Да, история мысли, серьезной мысли есть драма (но не элегия по поводу непонимания) *rimes croisées* Герцена (перекрещивающиеся рифмы).

4. Вы говорите – мы идеалисты. В том смысле, что мы знаем: хотя *посев и далек от жатвы*,

идеальное не пропадает, оно является *выражением* глубоко лежащих материальн[ых] потребностей жизни, еще не нашедших себе посредствующих звеньев для реального осуществления...

5. Почему Вы не найдете равных на другой стороне? *Бездарное направление.*

6. Я проповедовал соц. реализм? Ни одного слова. *Теперь – да.*

Моя антропология

Абстракция как признак человека. Необходимость держать в узде этот принцип.

Человек – *der Mensch*, *Номо*.

То, что человек привносит в природу, его «новое», есть абстракция. В природе она до некоторой степени присуща элементарной материи, откуда ее кристаллические свойства, всякого рода «решетки» и прочее. Человек – единственное живое существо, вступающее в союз с элементарными силами материи против аристократии природы в лице прочих явлений живого, и тем утверждает свою монархию. (Это вовсе не метафора, а закон диалектики, «через одно», может быть, *закон честности?*) Средством этого союза и является абстракция. Интересно было бы взглянуть, как постепенно возникает способность обратить в свою пользу элемент[арную] материю в живом мире, то есть как растет способность абстрагировать элементы природы, выделяя их из целого.

Ибо абстракция есть именно выделение из целого одной какой-то линии. Гормон, например, в организме не существует как таковой, это гормон организма и притом данного, индивидуального. То, что выделяется человеком, есть абстракция. Также, например, сахар-рафинад по отношению к другим видам глюкозы в органических веществах. Нечего и говорить об основном виде человеческой абстракции – выделения механических и математических свойств природы. Достаточно вспомнить слова Аристиппа: «Мужайтесь, друзья, на этом острове есть человек!»

Двойственность и опасность тех сил, посредством которых поднимается человек. Мертвое царство абстракции. Возможная атомная или бактериальная катастрофа – только последовательное развитие этой опасности.

Праздник абстракции – эпоха неолита и племенной мир. «Весна человечества» в эпохи абстрагирования всего живого.

Характерная особенность абстракции – она представляет собой тождество с мертвой материей, слияние с ней. Лишь постепенно в человеческой жизни и в нашем духе развиваются менее кристаллические, более конкретные, более органические формы, и судьба человека всецело зависит от того, насколько он способен снова превратить выделенную им абстракцию в нечто органическое, так, чтобы она перешла в «плоть и кровь», стала «второй природой», вернулась в целое. Это относится, конечно, и к искусственным формам

общественной ассоциации, которая создается на месте естественных кровных и стадных связей природы. В некоторые эпохи эти артефакты общественного устройства достигали особенно абстрактного, *alias* (сиречь) «отчужденного» уровня. Бывали и более живые, свободные формы. Должны быть они и снова на более широкой основе, как преодоление «обнаженной абстракции» Берка.

1978 г.

Парето сказал: «История есть кладбище аристократий».

Это еще раз оправдалось у нас в тридцатых годах.

К «смыслу жизни»

Принцип *«довлеет дневи злоба его...»* – не делайте скороспелых выводов, не принимайте состояния, подобного гейневской «матрачной могиле», за угол зрения на всеобщее.

Принцип этот является противовесом скептицизму, вытекающему из множественности возможных позиций. Сейчас вам кажется, что истины нет, но именно из относительности вытекает и относительность относительности.

Довлеет дневи злоба его – относительность относительности, абсурд абсурда. Историзм может быть источником скепсиса, но может быть и *наоборот*. Его позитивный характер дан уже в простой смене. Погодите! Довлеет дневи злоба его...

К теории болезни

Симптом обновления организма, особенно духовного *обновления* после тяжелой болезни, я испытал несколько раз в молодости.

В Тунисе, на развалинах Карфагена найдена глиняная табличка с текстом, который начинается словами: «Настали плохие времена. Все пишут, никто не читает». (Рассказывал Ив. Славов со слов одного болгарского археолога, участвовавшего в раскопках.) Табличке – 600 лет до н. э. (Это, видимо, версия Лейденского папируса.) Пишущие – господствующее сословие. Переворачивание «верха» и «низа».

Из заметок времен войны

Человек не должен быть ни свиньей, ни дураком – разница между тем и другим весьма относительна.

Свиньей он бывает, когда делает других простыми орудиями своих интересов, средством удовлетворения своих потребностей.

Дураком он бывает, когда сам опускается до уровня простого орудия, средства, игрушки для других.

Эйнштейн сказал: «Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление».

Это весьма глубоко при перенесении в область политики. То, что не оказывает сопротивления, –

ничто, дрянь. Абсолютная податливость, подчинение не рождает людей, на которых можно было бы опереться. С другой стороны, известная степень сопротивления, бунта только поддерживает данный порядок. Это тайна всей истории классового общества.

1969 г.

Талант с точки зрения двух полюсов и цикла

Талант как *горение личности*. Бывает ли горение без кислорода, который находится в окружающей атмосфере? Заключено ли оно в дереве или керосине? В каком смысле?

Талант есть *всеобщая форма*, определенный материальный носитель, превращенный в эквивалент, носитель всеобщего.

Диалектика цикла здесь: преобладание виртуозной всеобщности носителя, который наталкивается на то, что золото по своей природе – не деньги, который существует лишь как *достигнутое в известных условиях всеобщее*. Без этого данный нервно-физиологический субъект не талант. Наталкиваясь на эту преграду, талант становится слишком растяжимым, пустым и ложным. Он *падает* без содержания. И наоборот, восстает *бездарный талант*, не имеющий всеобщности, но выражающий действительную стоимость. Последнее тоже до известного предела, оно тоже наталкивается на границы.

Это судьба фиктивного капитала, системы без золотого покрытия.

до 1968 года

Когда ты думаешь, что уже поздно, – время действовать. Когда ты думаешь, что все уже решено в твою пользу, опасность ближе всего...

Есть общий *комплекс своевременности*, обманивающий нас.

Знаете ли вы, как уничтожаются воробьи? Нет, вы не знаете, как уничтожают воробьев... Целая деревня, целый район, целый город вооружаются трещотками, барабанами, кастрюлями и поднимают страшный шум. Воробьи поднимаются в воздух, им негде сесть – страшно! Но долго летать бедная птица не может, а шум продолжается. И вот один за другим падают воробьи на землю. Ничего не поделаешь – инфаркт миокарда!

Если бы воробьи не боялись шума, их пришлось бы уничтожать поодиночке, а это далеко не так просто. Оглушенные воробьи могут пасть в неравной борьбе с человечеством, но воробьиный род сохранится и будет продолжать свое поступательное развитие. Но для этого нужно не бояться шума.

Некоторые советуют воробьям не чирикать*. Не слушайте этих советов. Без чириканья воробей – не птица, нет, больше того – он даже не во-

* Если будете сидеть тихо, никто не узнает о вашем существовании. «Проживи незаметно!» – говорил Эпикур. – Прим. Мих. Лифшица.

робей. Можно голодать, терпеть лишения, но чирикать необходимо. Думать, что воробьи могут существовать без чириканья, – это вульгарный материализм.

Предрасположенность людей к тем выводам, которые они делают под влиянием кризиса обстоятельств. Так же, как с человеком, чья биография была написана до его рождения. Люди носят в себе уже то, к чему они приходят.

Пример Солженицына.

Ср. с началом «После бала», где как бы обратное?

Распорядиться картами, которые сданы нам в трудной игре, наилучшим образом или иметь лучшие карты?

Pro domo sua^{*}

В папке из архива М.А. Лифшица (1905–1983) № 129 «Prima Philosophia» находится довольно объемистый конверт с названием: «Pro domo sua (род дневника или воспоминаний)». Мемуарные заметки чередуются в этом конверте с тем, что сам автор называл «воспоминанием о мыслях». Мы сочли возможным объединить извлечения из этого конверта с фрагментами из другой архивной папки («Встречный бой в темноте»), повествующей о перипетиях литературных баталий второй половины тридцатых годов. Заметки располагаются в том порядке, в каком они находятся в архивных папках. Названия заголовков, за исключением случаев, оговоренных особо, принадлежат Мих. Лифшицу. Комментарии к тексту сделаны составителем и редакцией «Нового литературного обозрения». К настоящему изданию комментарии дополнены и уточнены составителем.

Принятые обозначения:

Знак вопроса в угловых скобках, следующих за словом – <?>: расшифровка слова вызывает сомнения.

Многоточие в квадратных скобках – [...]: опущенные составителем фрагменты текста.

Составитель

^{*} Примечания к словам, помеченным цифрами, см. в конце части.

Pro domo sua

9.VII.83.

Все люди тщеславны. Но у некоторых тщеславие заключается в том, что они могут прожить и без удовлетворенного тщеславия. Таков и я.

12.VII.83.

Вспомнилось шутливое изречение Андрея Платонова²:

Ты мне про пролетариат не говори. Пролетариат – психопат. Я знаю, я сам из пролетариата вышел.

Вы с ним не здороваетесь? Я здороваюсь со всеми первым, кроме тех случаев, когда может возникнуть подозрение, что я хочу завести знакомство с начальством или с лицами, равными ему по званию. В этих случаях я предпочитаю быть принятым за человека высокомерного.

– Почему вы так зло пишете?

– Один мой приятель был на приеме у Калинина в последние годы его жизни. Пока шел разговор, Калинин все время резал ножницами белую бумагу. Если бы я был на его месте, я резал бы ножом письменный стол.

10.IX.80.

Всю жизнь человек разгадывает свою загадку. Моя уже, кажется, разгадана. Не удовлетворен.

Так бывает или это признак слишком высокого мнения о себе? Или, может быть, признание недостаточности своего химического состава, своей амальгамы?

Не надо забывать, что многое незаметными путями вошло в обычный идейный обиход марксистской науки, даже вульгарно-марксистской литературы, хотя в момент своего явления на свет казалось даже оскорблением принятой системы фраз.

18 июня 1980 г.

Битву можно считать проигранной. Главная причина, вероятно, на фоне более общих (о чем писать не буду), мое стремление быть полезным, жар просвещения.

Действительно, я «растворился в фольклоре», мои идеи тридцатых годов вошли в фундамент многих верных культурно-исторических построений анонимно, эклектически, популярно, если не плоско.

Покойный Игорь Сац³ напомнил мне однажды стихотворение: «Был у Христа-младенца сад»⁴. Он понимал все, хотя мог быть близок с людьми, мне чуждыми.

Замечательный рассказ Бальзака о писателе-призраке⁵. Я был серой [нрзб.] своего времени. А впрочем, «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм». Не знал Маяковский, какое содержание вложит жизнь в его слова.

1977 г.

Всю жизнь чувствую себя погруженным в глубину неизмеримого океана под непрозрачной толщей воды. В последнее время это ощущение как-то снова вернулось ко мне с особенной остротой. Боже мой, что на поверхности! И как мало надежды на что-то разумное, что-то похожее на действительную жизнь идеи во всем мире. Что пишут неомарксисты (сужу по изложению югослава Враницкого «История марксизма»⁶), что переводят на иностранные языки из нашей литературы! Полное «совокупление слепых в крапиве», как любил говорить Андрей Платонов.

Но, кажется, никогда еще мне не приходилось встречаться с таким тесным слиянием, симбиозом «каплунов тощих» и «каплунов жирных»⁷. Прежде было тяжелее, но можно было *чему-то* противостоять. Это, кажется, уходит. Оно, разумеется, уходило по-другому и в годы замены марксизма патриотизмом, а теперь та же тенденция снова берет верх, но уже в форме «Не колыхай!» – какой-то мертвой эклектики, связывающей нас своей мертвой силой.

10.VI.1975 г.

Мне иногда мешает излишний критицизм по отношению к самому себе, он сковывает бег мысли и приводит к печальным результатам – мешает, например, ораторскому успеху. Но если его не было, не было бы и моей литературной

речи, кажется, достаточно энергичной, плавной и точной. Есть, очевидно, мера достоинств и недостатков, есть точка, в которой недостаток, связанный с достоинством, освобождается от этой связи и становится бедствием.

«В нашей стране нужно долго жить!» Кто это сказал? Не помню, но сказано верно⁸. Смотришь, до чего-нибудь и дожил. Но очень долго нужно жить.

17.XII.69.

Характерная черта времени, последнего времени – всюду одна толпа, снизу доверху, справа и слева. Задыхаюсь.

1.VI.1975 г.

Вспомнилось:

Куда зовет? Чего он хочет? Зачем так громко он поет?⁹

Один из моих авторов в ЖЗЛ¹⁰ сказал мне: «Ведь вы селенит»¹¹. Нина Николаевна¹²: «Кто вы такой? Что вы здесь делаете? Как вы сохранились?»

Фадеев после партсобраний в 1940 году [приведшего к закрытию журнала «Литературный критик». – *Сост.*]. Пили водку с пивом. Он распинался в уважении за то, что в редакции «Л[итературной] г[азеты]» я один против всех держал оборону¹³. Бил «мордой об стол» своего холоуя Л. Никулина¹⁴, потом повез меня

в Переделкино (где я отдыхал) и по дороге истерически-пьяным своим тонким голосом допрашивал: «Кто вы такой? Чего вам нужно? Вы меньшевик?» Большевиком в его глазах был тот, кто... Это было похоже на разговор старой блуды с невинной девушкой, попавшей в бардак (у Шекспира)¹⁵.

9.XI.76. Клиника.

Я родился и умру мечтателем. Мне бы нужно было уже оканчивать то, что я только хочу начать. Многое не нравится в произведениях Лукача¹⁶, но они написаны. Гриб излагал мои идеи, но я недавно с удовольствием прочел его статью о Бальзаке¹⁷. Мои собственные статьи я ни во что не ставлю. За исключением нескольких страниц. А теперь у меня нет уже ни полной веры в необходимость моей vision, ни даже необходимой для ее реализации маленькой дозы человеческого тщеславия. Есть еще достаточный запас злости, «злобы святой», но и в этом я ограничен более, чем когда-либо, как в былые времена была ограничена всякая попытка позитивного изложения. Все хорошо в свое время. К несчастью, все было нехорошо, потому что не вовремя.

Спиноза изложил свою философию в книге под названием «Этика». Почему же нельзя было бы при других обстоятельствах изложить систематическую философию в книге под названием «Эстетика»?

Для меня это означало бы, что возможность ее напечатания и то, что должно быть и может содержаться в ней, не будет определяться такими мыслителями XX века, как Иовчук¹⁸ [...]. Останется еще достаточно всяких инстанций, внешних и внутренних, – можно об этом не беспокоиться.

Ваши негодования для меня давно пройденный этап, то, что вы предлагаете взамен, для меня половинчатая, слабая, эклектическая позиция, вы просто не в состоянии понять, что мое отрицание ваших сомнительных взглядов исходит не из того, более низкого уровня, который вы презираете, будучи сами его порождением, а из той несомненно возможной точки зрения, которая находится на более высоком уровне, чем ваши сомнения. В лучшем случае эти сомнения могут быть переходной ступенью к ней, но чаще они бывают более изысканным способом возвращения в старый хлеб.

4.XI.68. Переделкино.

Разговор с Еленой Ефимовной Тагер¹⁹. Суматошная, несчастная в душе и чем-то симпатичная женщина, вся больная, «модерная» в стиле начала XX века, воображающая себя выше декадентства.

Ее любимые художники – Рембрандт, Эль Греко. Полагает, что это очень оригинально, хотя сей джентльменский набор в наши дни – то же самое, что Аполлон Бельведерский и Венера Милосская для обывателя прошлого века.

Сочетание рассудительности и фантазерства, даже *безумия*. Видимо, одна односторонность дополняет другую, как близорукие люди видят у себя под носом лучше дальноточных.

Гриб и Верцман²⁰ оба «психи», но они чрезвычайно рассудительны и скупы. Гриб сам называл себя моим Санчо. Его скупость была анекдотом среди друзей. Между тем он был не совсем нормален, в юности стоял во главе клуба самоубийц, любил Достоевского.

Часто я достраиваю хижину, освещенную заревом пожара, в котором сгорает один из моих домов. Бальзак – Ганской. Моруа, с. 316.

И вообще – прекрасное письмо на тему о невозможности быть реальным человеком, когда стремишься к химере какого-нибудь творческого абсолюта.

7.XII.75.

Разговор в магазине. Я плачу деньги за молоко. Старуха-кассирша в бешенстве кричит на людей, входящих с улицы:

– Закрывайте двери, здесь люди раздетые сидят. Вы что, в Германию врываетесь!

Я подаю бесплатный совет:

– Нужно сделать деревянную загородку, чтобы не дуло.

Действительно, магазин потратил громадные деньги на ненужные холодильники, которые потом

пришлось заменить другими, потому что здесь эта система самообслуживания не оправдала себя. Кассирша продолжает свое, хотя знает, что дверь закрывается пружиной и люди ничем не виноваты, а требовать, чтобы сделали загородку, хотя это так просто, никто не станет: «Еще [нрзб.]!»

– Черти, образованные, учат вас, доктора, кандидаты... Академики! – говорит она уже с полным презрением. Нашелся тут же в очереди мордастый паразит, который тоже высказался:

– Доктора все, академики!

Я – в тон: Академиков давно давить надо!

Кассирша, помнящая еще былые времена:

– В Черное море их!

Картинка, черт возьми²¹. А кто лучше – эти, обиженные судьбой, среди которых и лопающиеся от жира паразиты, или сословие грамотеев, честное слово, не знаю. В непосредственном общении обе стороны хороши.

1 декабря 1975 г.

Идеал нашей интеллигенции (я имею в виду литературную образованную публику, близкую к Институту Горького и журналу «Вопросы литературы») – недавно скончавшийся Сучков²². Этот глупый и чванный индюк был когда-то аспирантом у дуры Гальпериной²³, которая возвысила его до себя. Войдя в жизнь через эти ворота, так сказать, «дважды рожденный», он быстро полез вверх на волне послевоенного патриотизма, но, видимо,

рванул слишком напролом, потому что его посадили и самому Александрову²⁴ было сделано внушение за то, что он допустил, чтобы «враг Сучков» присутствовал на одном заседании с товарищем Сталиным. Выжил он в лагере благодаря усилиям жены, которую немедленно бросил по выходе из узилища, женившись на ее подруге.

Ему не хватало только венца мученического, который он и получил после реабилитации, и теперь мог продолжать свою карьеру, сочетая два импульса, казенный и либеральный. Все эти типы усвоили, что для возвышения над толпой и управления ею нужно заключить с ней компромисс. Сочинения его, увенчанные всеми возможными лаврами, того же калибра, что и сочинения покойного Анисимова²⁵. По сравнению с ними мерзавец Ермилов²⁶, не лишенный внутренней раздвоенности и сознания своей подлости, истинный гений.

Так вот эта интеллигентная кампания распустила слух, что я написал на Сучкова «телегу» в ЦК, и он от огорчения умер. Помойное ведро! Душой и умом они с Храпченко, Сучковым и прочей мразью, оплакивали даже Анисимова. Если говорить по существу, это блок на основе общей ненависти к ленинизму, объединяющей снобов и циничных дельцов, современное служебное кулачество. Странное, смешное и отвратительное единение жалких интеллигентов, способных восхищаться Федоровым, Розановым, Флоренским, – и «боевых прохвостов», сделавших себе карьеру через отдел

кадров, как тупица Озеров²⁷, «рожденный от двух бульдозеров». Но, видимо, они знают, где раки зимуют, ибо таков курс жизни. Один из молодых засранцев «сам видел», как Сучков получил из ЦК бумагу, прочел ее и побледнел.

Дураки! Если даже допустить, что я так зол, чтобы писать на Сучкова «телеги», то неужели мне может прийти в голову столь глупая мысль? Нет, я не пишу жалобы ни на Сучкова, ни на Храпченко²⁸, ни на Маркова²⁹, ни на других потентатов, чтобы доставить им лишнее удовольствие почувствовать свое могущество.

Пожалуйста на них! Единственное, что я могу сделать, это показать им то самое, что Иван Никифорович показывал Ивану Ивановичу. Пока марксизм не отменен, живым съест меня нельзя. Можно только сказать: «Он считает себя большим ленинцем, чем сама партия», но до этого дело пока не дошло.

Что касается смерти Сучкова, то я не исключаю, что он был очень огорчен самим фактом моего существования. Само собой разумеется, что этот факт является для них непонятным и живым укором. Пасть открыта, а проглотить нельзя!

Как раз незадолго до своей смерти Сучков, не называя меня по имени, обрушился на догматическое понимание теории отражения с высокой трибуны докладчика на каком-то официальном заседании под предводительством самого Маркова. Умер Сучков в Будапеште. Я был в то время

там по случаю глазной операции. Накануне своей смерти он выступал в советском посольстве. Доклад, по рассказам присутствовавших, не понравился. Его забросали вопросами. В своих ответах он напал на Лукача, задел и меня, но не встретил сочувствия и уехал в отель, где с ним и случился инфаркт.

Возможно, что я, таким образом, все же послужил некоторым толчком к тому, чтобы он отправился а *farsi benedire* [ко всем чертям (*итал.*)]. «Маменька устала бить тятеньку!»

Отчего же мне не приходится быть столь чувствительным ко всем гонениям и гадостям, которые эта компания сикофантов устраивает мне в течение, по крайней мере, сорока лет? Нежные души...

Были времена, когда моя жизнь походила на шаги человека, идущего по краю пропасти и только потому не падающего, что он в нее не смотрит. Это точно так! См. мои ссылки на новеллу о еврее Аврааме (в «Декамероне» Боккаччо) на лекциях в 30-х годах!

А слова Розенцвейга³⁰ – «Лифшиц примиряется с советской жизнью, как Гегель с разумной действительностью»?

А мои слова с трибуны: «Наш мир есть безусловно лучший из миров, ибо всегда можно придумать что-нибудь лучшее». Студенты ИФЛИ очень смеялись³¹.

Мне говорят, что я оптимист, «жизнелюб». Отвечаю на это: «стерпится – слюбится». [Из письма неизвестному автору. – *Сост.*]

[...] Главным направлением моей деятельности во все времена были лекции. Кроме того, серьезное значение и довольно значительное влияние имели мои газетные полемические статьи, направленные против существовавших в те времена, не исчезнувших и теперь, разновидностей вульгарного марксизма. Ему, увы, всегда принадлежали самые сильные позиции. И то, что в тридцатых годах была пробита довольно широкая брешь, не будет забыто. Из моих статей стоит прочесть «Ленинизм и художественная критика» («Литературная газета», 1936, 20 января). Последовавшая за ней литературная дискуссия, очень свирепая, будет со временем переиздана, но она требует некоторых комментариев. Ее маратовский тон, вытекавший из безусловных требований обстановки, современному читателю будет непонятен. Более доступная в этом отношении другая дискуссия (1940 г.), которая была прелюдией к закрытию журнала «Литературный критик» и закончилась бы еще хуже для Вашего покорного слуги, если бы не война. Мои статьи в этой дискуссии – «Надоело» («ЛГ», 1940, 10 января) и «В чем сущность спора?» (там же, 15 февраля). Остальные статьи напечатаны не были. Стоит прочесть, однако, и статьи других авторов, как моего, так и противоположного

направления. Нужно только иметь в виду, что в статьях наших противников цитаты самым безбоязненным образом фальсифицированы. Для полной информации насчет того, каковы были дела автора этих строк, стоит прочесть статью А. Фадеева в «Литературной газете» за 1953 год, конец марта (число не помню)³². Остальное дополнит воображение. [...]

Рассказывал Твардовский:

После моей статьи о Мариэтте Шагинян в редакцию «Нового мира» прибежал взволнованный Чуковский (мы были тогда с ним почти незнакомы).

– Снимите скорее все эти портреты! (У Твардовского висели все великие критики XIX века, и не только критики).

– Повесьте один-единственный!

Я было уже забыл об этом эпизоде³³. Вспомнила Лида³⁴ в разговоре с И.Л. Фейнбергом³⁵, который рассказывал о том, что его со страстью расспрашивал обо мне Асеев. «Кто это? Какого он возраста?»

Асеев звонил мне, и мы встречались. Он спрашивает:

1. – В чем состоит ваше обычное занятие?
2. – Я поп, требы отправляю.
3. – Вы архипоп!

Этим он хотел, кажется, выразить какое-то мое особое если не коварство, то сложное отношение к «наличному бытию».

Иногда я испытываю зависть к людям тех видов деятельности – практиков или ученых, – которые как бы не вызывают сомнений, дают реальные результаты, хотя бы и малые...

Иногда же мне кажется, что их деятельность – худший академизм, самоослепление, уход от жизни, словом – все, что мы критически приписываем себе.

Труд, труд, практика...

Хороший способ заслонить от самих себя смысл действительной жизни. Иная теория более практика, чем сама практика. Но я не хотел бы отсюда сделать вывод в духе «Франкфуртской школы», которая все же [нрзб.] права по отношению к «erhaltende» Praxis (в гегелевском смысле слова).

Нельзя ли провести дифференциальное сечение?

Какая теория может быть выше практики? Какой практики? И она все же хороша как практика sui generis. И не настаивайте слишком на этом sui generis.

Я люблю либералов, когда их не жалуют, и ортодоксов, когда у них руки коротки.

На фронте я встречался с Женькой Долматовским, на которого раньше смотрел как на пустое место, а здесь он был на десять голов выше меня. Не по храбрости, разумеется. Ему принадлежало гениальное изречение: «Ты не понимаешь,

что в наши дни поэт – это государственный деятель!» И в самом деле, каково государство, таков и деятель. Он же сказал мне: «У тебя нет стиля поведения». И верно – у меня нет стиля поведения, как нет и почерка. У него-то «стиль» был. Что же касается поэзии, то Байрон произносил свои речи на заседании палаты лордов в прозе, а у нас Лебедев-Кумач – в стихах.

Комплекс Хемингуэя – когда обе стороны представляются если не одинаково дурными, то приблизительно. См. к «теории тождеств»³⁶.

Распалась цепь великая,
Распалась и ударила
Одним концом по барину,
Другим – по мужику.

И здорово ударила *по мужику*, но тем более снова *по барину*, в том числе и по *новому барину*... 1937 г.

Наша задача, моя задача

Наша задача состоит в том, чтобы связать концы порванной нити. Мы ничего другого не можем сделать. Но если мы сделаем это, мы сделаем все и будем достойны своей роли, своей миссии. Повсюду порванные нити! Даже внутри самого революционного движения, чья задача до некоторой степени состоит в том, чтобы порвать старую нить... Разве сталинщина – это не разрыв револю-

ционной нити, хотя эта нить, как уже было сказано, сама предполагает разрыв?

Разрыв в искусстве, разрыв нравственный, разрыв в теоретическом мышлении. Всюду «одни концы». Да где они? Дайте их, чтобы можно было их связать.

12 мая 1980 г. Больница. Consolatio³⁷.

1. «Все может надоест, кроме понимания» (приписывают Вергилию).

2. Ждать! Бывают такие положения, когда, подобно первоначальным христианам, нужно *ждать наступления критического часа*. «Второе пришествие». Судный день.

Что-то от этого вполне реально. Необходимо отучиться от *преувеличенной веры в нашу повседневную субъективную активность*. Об этом пишут на Западе, правда, с консервативной точки зрения. Например, David Ehrenfeld, *The Arrogance of humanism*, 1979.

50–60-е годы

Я живу в искусственном мире, мир марксизма, в котором я живу, есть искусственный мир. Но искусственные миры часто имеют невидимую связь с глубоким течением времени. Платон тоже жил в искусственном мире. Все разумное действительно. Не беспокойтесь, оно выйдет наружу.

Возмездие за что?

За то, что пустились в плавание, не рассчитав глубину крестьянского моря, как думал Горький (с его «пролетарской культурой»)?³⁸

Нет, за то, что после смерти Ленина почтили на лаврах, превратились в политическую элиту, отгороженную от притока снизу новых сил, а не голосующей скотины. Конечно, и «без вины виноватые», но покорившиеся своей участи слишком рано, невежественные насчет главного в ленинизме, зараженные старым марксизмом.

2 августа 1979 г.

В конце двадцатых годов меня накрыла ультра-социалистическая волна, которая именно благодаря своей «левизне» была слишком буржуазна. Но в ней было свое грозное обаяние, она была продолжением, хотя и своеобразным, великой революции.

Теперь меня накрывает другая волна – обратная. Первую я поддерживал *im grossen* [в общем (*нем.*)] как «разумную действительность». Нынешняя, пробуржуазная волна мне отвратительна. Моя задача, чтобы не занесло слишком далеко вправо, чтобы история как-нибудь обошлась без реставрации Бурбонов. Это теперь – единственное, что может меня волновать.

Вера Панова как источник для познания 30-х годов. Два типа – провинциальный Дантон

и мрачно-жертвенный Листопад³⁹. Многие сошли под вечны своды ускоренным способом. Umschichtung [перегруппировка (нем.)] (постоянная), в этом и состояла сила Сталина. *Семь коров тучных и семь коров тощих*. Два эпицентра: падение элиты, уравнительная волна внизу, в крестьянстве. Слова А. Платонова: «Братцы, а не в нашу ли это пользу?»⁴⁰ [М.] Булгаков.

Время между падением элиты и утверждением догматизма (1931–1937 гг.). Ср. то же на международной арене. Преображение обывателя. Между двумя его [нрзб.].

Нужно воспользоваться материалами истории партии и Коминтерна (официальными).

18.VI.74.

Лосев⁴¹ (мне): «Известно, что у Лифшица две характерных черты – ум и бесстрашие». Я: «Слава богу, во время войны под судом за трусость не был».

Лосев рассказал (а я забыл), что в начале 30-х годов Юдин⁴² собирал нас в ЦК по поводу его, Лосева, «Истории эстетики». Мой отзыв был: «Это идеализм, но оставляет надежду на развитие в лучшем направлении и допускает редакционную переработку. Печатание возможно».

Записал со слов Хермана 30 августа 1974 г.

Агнесса Хеллер⁴³, бывшая жена ученика Лукача Хермана⁴⁴, сказала ему однажды: «Я не хотела бы прожить такую жизнь, как Михаил Лифшиц».

– «Почему?» – «Не иметь ни славы, ни выхода в мир, быть всегда скованным по рукам и ногам, в кольце врагов. Нет!»

«А по-моему, – ответил ей, по его словам, Херман, – если на стороне Лифшица правда, то жить нужно, как он». Вишь ты!

Начато около 1960 года.

Обижаются за то, что Солженицын не изобразил страдания бывших революционеров. Но он изобразил более важное явление – круговую поруку, согласно которой *невинный страдает за виновного*⁴⁵.

Эти люди невинны, конечно, но они либо сопротивлялись установлению единовластия, либо содействовали ему, в большинстве случаев, а потом пострадали за свою трагическую ошибку. Несчастный Эйхе⁴⁶.

Ну, а за что пострадали миллионы Иванов Денисовичей? Случайность? Что-то это не пахнет марксизмом и взглядом *зрелого человека* вообще. В частной жизни можно еще рассуждать с точки зрения абстрактной морали, но в исторических событиях такого рода есть круговая порука, по выражению Герцена. К тому же все это вышло из *крестьянства*, хотя и распалось на нищезанятство и толстовство, садизм и мазохизм.

Солженицын сказал однажды Твардовскому, что 1937 год был отрывкой 1929–1930-х годов, то есть наказанием за разгром крестьянского

хозяйствования. Этот взгляд Солженицына совпадает со взглядом Сталина, который однажды сказал в 1937 году, когда в ЦК полился поток писем и жалоб: «А, взвыли! А когда мы тронули с места два миллиона крестьян – молчали?» Сталин чувствовал себя «бичом Божиим». Это так.

Но Солженицын останавливается на 1929–1930-х годах. А почему? Разве этот разгром был бы возможен без жадного уравнительного раздела помещичьей земли, без уравнительной волны октябрьских времен? Разве он не был его продолжением? Кто были люди, творившие «ликвидацию» и «коллективизацию»? Не крестьянские ли дети в гимнастерках и кожаных куртках, поддерживавшие Сталина против партийного боярства и обрушившиеся сверху на своих? Конечно, это было не простой акцией бедноты, как это описывает Шолохов, а «революцией сверху», как гов[орит] Сталин в «Кратком курсе», но все же революцией, воплощением *уравнительно-всеобщего* начала.

Значит, во всем виновата революция? Так думает Солженицын теперь (1974 год, когда я приписываю эти строки). Мещанский вздор, возвращение к самой жалкой обывательщине. Александр Блок лучше понимал в начале революции, почему жгут помещичьи усадьбы (хотя они были ему, наверное, более дороги, чем Солженицыну), ибо он был мыслящим человеком из дворян, а не из вышедших в люди кулаков, владельцев экономий, будущих

офицеров военного времени и «прогрессивных» технократов.

Кстати говоря, господин Солженицын, вы забыли или не знаете, что сами являетесь выходцем или более отдаленным продуктом той уравнилельной волны, которая обрушилась на оскудевшее дворянство, которая привела к гибели «Вишневых садов». Ваши предки просто раньше начали, чем хунвейбины тридцатых годов. Почему же вам не понести то наказание, которое вы считаете справедливым по отношению к другим?

Кстати, чем бы вы были, если бы не октябрьская революция? Проживали бы накопленное добро или, в лучшем случае, стали бы небольшим декадентствующим прозаиком. Может быть, – это уже в лучшем случае, – эпигоном Бунина. Революция дала вам все – общий душевный подъем и народную трагедию в качестве самого большого и единственно ценного *содержания* вашего творчества⁴⁷.

Конкретное в форме консервативного – неизбежное противоречие.

Против абстракции «передовых идей». Эта абстракция сложилась еще в XIX веке (Писарев). Оппозиция против нее была слаба, часто ложна. Но проблема *зияла*.

Абстракция эта до сих пор существует, поэтому прав Феллини⁴⁸.

К тридцатым годам

Классика более полна (и потому более революционна) по содержанию. Примеры – «революционные переделки» пьес, ведущие к более ограниченной точке зрения и в чисто политическом смысле (пример – «На всякого мудреца...»). Но можно от театра перейти к роману – почему консервативное более революционно. Это нужно показать конкретно, разбирая содержание и допуская другие варианты (пример «Эмилии Галотти», «Разбойников»⁴⁹).

Единство моей точки зрения и почему я за классику.

Как показать это *в живописи*?

Ср. Ольминский, ср. Глеб Успенский о Верещагине⁵⁰.

Ad vocem [по поводу (*лат.*)] Поппер и его критика «историцизма»⁵¹:

То, что должно произойти, зачем ему содействовать? *Должно произойти* – это общий чертёж будущего. Но это может произойти так, что будет вовсе не хорошо, и отчасти потому – как предвидит Поппер, – что будущее поддается тоталитарному контролю.

Управление будущим состоит в диалектическом *distinguo* [я различаю (*лат.*)], выборе пути.

Это к вопросу об исторической закономерности будущего согласно схеме псевдомарксизма. Такая схема действительно противоречит «партии лунного затмения»⁵². Диалектический марксизм –

distinguo, выбор путей будущего, область свободы в рамках необходимости.

Пример к исторической неизбежности и свободе: неизбежность централизации, абстрактная оппозиция этой необходимости, превращение ее в столь же абстрактную норму и верное решение – какая централизация? Пути ее могут быть разные. Долой отравленную принуждением. Федерализм и централизм у Ленина. Национальный вопрос и подлинное сплочение наций (истина как «конкретное» = я различаю!).

30-е годы

Как трудно было «произнести» – кризис цивилизации. Преобладание *абстрактного понятия прогресса*. Люди делятся на друзей и врагов прогресса. А диалектика его? Это целиком оставалось добычей противников.

Не забыть! К предисловию. Как относились к проблеме кризиса цивилизации, несмотря на прибавление слова «буржуазный». Это вызывало возмущение. «Шпенглериянство»⁵³. – Найти!

О двух полюсах (феноменология духа)

От материи брутто к образу.

Область совпадения уникальности с «репродуцируемостью» материала и образа; потом область несовпадения их – материал становится внешним средством.

К теории «онтологической» основы произведений искусства.

Беньямин с его глупой теорией падения искусства в связи с утратой «уникальности», «репродуцируемостью»⁵⁴.

Это только в том случае имеет смысл, если под именем *уникума* имеется в виду чисто физическая подоснова произведения. При умножении копий, репродукций техника в идеале может дойти до того, что «подлинную» Мону Лизу нельзя будет узнать.

– И глупо! Наоборот, тем более будет подчеркнута ее *уникальность*, которая не в материи, веществе, а в *образе*, архетипе. Где он существует? Не в раме, а в голове – репродукция подчеркивает это. Репродуцировать тем легче, чем менее данное искусство увязло в веществе. Тут, конечно, два полюса.

Хотя процесс *создания* оригинала продолжает борьбу с веществом, материалом. Человеческий дух *воплощается* в новом мире. Высший цвет¹ этого воплощения – искусство (все менее материально).

Я сказал – в голове. Это не так! В *реально-кажущемся* мире. Репродуцируемость подчеркивает *объективность образа*, его независимость от самого творца и от группы зрителей – от субъекта.

Рассуждения Беньямина – абстрактная мысль, в основе которой лежит наличие двух полюсов сознания. *Физическая подоснова* произведения искусства *сначала играет как бы внутреннюю*

для сознания роль, а потом становится все более внешним *сопровождением*. Так материал денег сначала непосредственно один из товаров, потом все более знак, опирается на внешнюю для него реальность (гербовая бумага, не имеющий самостоятельного ценностного значения сплав). Так и в живописи холст, подрамник скорее внешнее условие образа, *чем сам образ*, хотя размеры, грубость холста, цвет грунта имеют для художника значение. Аура все же есть – она все более в образе сознания, которое при малом посредстве адресует сознание к кажущейся стороне бытия, которую интеллектуально вырабатывает, или обрабатывает, привлекает из действительности художник *sub specie veritatis* [с точки зрения истины (*лат.*)].

«Встречный бой в темноте»

Общая формулировка задачи современного марксизма

Моя задача показать, что марксизм, развенчивая отвлеченные, пустые идеалы и ложные образы абсолютной истины, более, чем любое другое учение, способен создать или, точнее, – раскрыть безусловную систему отсчета, которой чревато все современное мышление, быть может, не зная этого или увлекаясь формальной непреложностью специальных знаний.

Моя идея, например, реактивной и роковой силы «объективного духа» в обществе предполагает именно, что субъективный произвол человека, его абстрактно-техническое вмешательство в ход вещей природы и своей собственной жизни оскорбляет и нарушает определенную *норму*, которая, не будучи сама по себе особым существом, богом или идеей, представляет собой вместе с тем нечто вполне *реальное*, хотя и не сводимое к простой сумме фактов или интересов.

Моя задача доказать, что не только вульгарный марксизм, но и похваляющаяся своим «метафизическим духом» философия и теологическое мышление современной буржуазной интеллигенции попадает в грех релятивизма и утилитаризма, что даже религиозное мышление, именно религиозное мышление, неспособно открыть человеку его без-

условный интерес, его идеальное содержание, его бескорыстный порыв к бесконечности.

Об относительной неизбежности вульгаризации

Вульгаризация.

Вы говорите – марксизм вульгаризируется.

Да, но вульгаризируются самые великие идеи мира. Это их печальное преимущество. Идеи мелкие и ничтожные сохраняются в точности, но кому они нужны?

А разве само мышление не вульгаризируется? Разве оно, способное по смыслу своему на схватывание самых глубоких, сложных, противоречивых целых, бесконечно многообразных понятий, разве оно не подчиняется странному закону, который превращает мысль в тупое брожение, стихийное шатание из угла в угол, из края в край, из единицы в ноль и обратно? Разве то, что Гегель и марксистская литература называют метафизикой, не преследует мышление как мрачная забота, сидящая, по словам поэта, за спиной всадника?

Значение моей статьи о Винкельмане⁵⁵, особенно ненапечатанной части, – раскрытие мифа, скрывающего реальность, *порочного круга* классовой идеологии.

Бунт и консервативность, Дионис и Аполлон [на полях: полярности, поляризация? NB!]. Как не то, что это <?> *несущественные*

противоположности, – а как порочный круг, как преувеличения, односторонности – орудие против демократии, полноты.

См. черносотенцы. Главный довод меньшевиков – черносотенная опасность.

К изданию статей о вульгарной социологии

О переходе от 20-х гг. к тридцатым, о падении «меньшевистской идеологии», о новом поколении [нрзб.], о любви без «лица» даже при зловонном дыхании, о 40–45% бедноты в деревне, о журнале «Огонек». *Об уравнительной революции Сталина*, проделанной крестьянскими сынами, хотя это дорого досталось самому крестьянину. И о том, какие гадости впоследствии вышли из идеи любви «без лица», «так надо». Дух Достоевского.

Но само по себе *без лица*, приучив к пониманию [нрзб.] *необходимости*, трансцендентной, отчужденной необходимости, – было нужно. Только на этой почве можно было бороться за лучшую ее редакцию. [Нрзб.] одно было против другого. *Внутренние противоречия*, которыми нужно было пользоваться. За что был я. Начиная с [нрзб.] из текстов Маркса и Энгельса, о чем так отзывается Жиссельбрехт <?>, не имеющий понятия о реальных исторических процессах, происходивших на одной шестой части земного шара.

Фриче⁵⁶, Маца⁵⁷ в их Hervorhebungen [подчеркивание, выделение (нем.)] материально <?> -

жреческих<?>, организованных обществ с подавлением личности (что и у венгерца<?> Ligetti, и у Hauser'a⁵⁸, и у Гелена⁵⁹) – определенная философия истории, «лево-правая», прокладывающая дорогу «культу». Но и более широко все *левое* тяготение к империализму, хотя бы и «красному».

Народность (к моей стенограмме⁶⁰ и вообще⁶¹)

Нужно больше подчеркнуть связь идеи народности с романтикой [нрзб.] и славянофильством (но и другое).

Расширение той ленинской схемы, которую систематизировал Луначарский по Ленину, – два пути⁶². Вопрос шире противоположности либерализма и демократии. Доказательство – великие консерваторы человечества. Но анализ должен быть тем же, продолжением его. И этот охват более ранних явлений дает возможность понять и некоторые запоздалые формы времен распада на «два пути» по Луначарскому, запоздалые или возродившиеся в их запутанности (в связи с поворотом истории – Толстой, Достоевский, отчасти даже Тургенев, Фет).

Необходимо связать *теорию цикла* с моей старой теорией 30-х годов о *великих консерваторах человечества* (→ максимум «свободного духовного творчества»). Они представляют собой единственно возможный выход из круга в их время. Как представители «свободного духовного творчества» они принадлежат будущему.

Но вместе с тем это одновременно и бунтари, с элементом фатального сверхчеловечества, в большей или меньшей степени (таковы люди эпохи Возрождения, таковы мудрецы греческой философии) и неизбежно – представители определенного *господствующего* класса, в рамках которого они действуют (опять же – в большей или меньшей степени), ибо они должны и *отделить себя* от «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», и не только русского: тайпины и жаки – не лучше. Одним словом, это *Tertium datur* [третье данное (*лат.*)] по отношению к прот[иворечию] <?> *верхов и низов*.

К изданию моих статей 30-х годов

К статьям 20-х годов: [нрзб.] прогресса, неполноты подъема, реакционной формы, неизбежности появления реакционной эпохи, имеющей свое прогрессивное содержание. Увы, так и при советской власти, такова сталинская эпоха. Но как бороться? Вот вопрос.

Пример: отношение Маркса к Бисмарку и южнонемецким [нрзб.] и демократам <?>. *На почве нового*.

Для понимания культа личности и всех подобных поворотов в прежней истории

Обязательное следование за оторвавшимися прогрессивными эпохами реакционных до тех

пор, пока есть разница между вырвавшимися вперед элитарными слоями населения и отставшей массой. До тех пор возможна и обязательно будет опасность деспотической демагогии и прогресса в реакционной форме, приводящей в конце концов к тупику, стагнации. В этом тайна первого классового строя – азиатского способа производства. И это особенно ясно выступает в тех случаях, когда классовые градации стерты, нет отношения буржуазии и всего третьего сословия, а есть просто разница между горожанином и сельским жителем, развившимся, образованным и темным и так далее. Господство лучшего над худшим, поправленное обратным делом – местью худших, поддерживающих деспотизм.

Поэтому не абстрактная антитеза элиты, свободных и так далее против темноты и несвободы, а *непременно вместе с массой* и поскорее к ликвидации позорного неравенства с ней.

К предисловию дискуссии против вульгарной социологии

1. Объяснить, откуда такая ярость. Ведь это все – люди элиты. Их возмущение, их искреннее негодование.

2. Теория законности всех этапов, они всегда были правы, виновных нет. Следствием чего является цинизм. Примеры этого.

Это наши старики [историки<?>] 30-х годов ходят вокруг меня и суется, как севастопольские матросы вокруг упавшей бомбы, стараясь замазать грязью дымящийся фитиль. А то разорвется и всех разнесет. Но чудо-богатырей среди них нет, и фитиль все еще горит. Да и не бойтесь, милые люди. Что есть, то есть, и все равно будет видно, а специального намерения унижить вас у меня нет и не бывало.

Не знаю, какую роль я играл в этом «течении»⁶³ – могу сказать только, что мне выпала честь быть самым ненавидимым из его участников. Люди-дрянь, которых выносит наверх, и мысль-дрянь (например, вульгарная социология), которую вынесло наверх, – гудошники, [нрзб.] не по заслугам (надо же! Именно при социализме). Мне противопоставляли моего друга Лукача, моего ученика Гриба как серьезных ученых⁶⁴;

Да, мы, сохранившиеся, имеющие возможность исторически взглянуть на наши прошлые дела и споры, при всей враждебности, доходившей иногда до готовности послать другого на смерть, образуем в известном отношении одну корпорацию. Нас невольно, даже при всем отвращении друг к другу, сплотило время. Но если какой-нибудь Недоросль, выставя вперед свое метрическое свидетельство, захочет в прозе или в стихах посмеяться над этим, он посмеется только над сво-

ей собственной победоносной обывательщиной. Это современный Турнебуш⁶⁵ после схватки сильных или не лишенных силы людей.

Я всегда сохранял, и помню об этом, мое радикальное отрицание официальных течений былых времен, но не могу не признать, что все виды заблуждений были представлены в те времена с яркой принципиальной, часто до пародии<?> доходящей, но математически-строгой наглядностью. И это примиряет меня с этим миром, даже роднит с ним. Это было время классического фанатизма и бреда.

1968 г.

Акимов, нынешний extra-либерал, может быть, даже не подозревает, что, например, своей постановкой «Гамлета» он сам способствовал созданию той атмосферы, в которой стал возможен культ личности⁶⁶. Так же точно можно доказать, что молодая шантрапа, мечтающая о социологическом управлении быдлом, пишущая в духе иррационализированного марксизма, это именно возвращенцы к той атмосфере, в которой рождался культ личности. То же и модернисты. Конечно, это можно написать не для тупиц и демагогов, а для тех, кто хоть немного хотел бы разобраться в происшедшем.

Кто совершил переворот? Я не претендую. Я претендую на то, что всегда относился

к вульгарному марксизму с величайшим отвращением. Перемолола же его сама реальная история. Тогда и я смог сказать свое слово. Я претендую на то, что показал истинную теоретическую сущность буржуазно-приспособленческого <?> вульгарного марксизма, который *не имеет никакого отношения* к марксизму подлинному. Это не излишнее усердие, не невежд невинная простота. Кто этого не понял и теперь, тот продолжает ту же линию, находящуюся в полном противоречии с мировоззрением подлинного марксизма – Маркса и Ленина.

Мне приходилось читать книгу Глеба Струве о советской литературе⁶⁷, и я сделал неожиданное наблюдение. В сущности, Струве – догматик, догматик в том смысле слова, которое ему теперь придают. Он пользуется тем же официальным материалом, держится на поверхности этого материала, читает буквы, не улавливая того, что стоит за ними, и не зная того, что осталось открыто не выраженным или вообще существующим в общественном фольклоре идей, что выходило на поверхность лишь стороной и часто очень криво. Разница только в том, что Струве ставит знак минус там, где в обычном позитивном догматизме стоит знак плюс, – в остальном это разговор на высоком уровне между представителями хорошего общества. А нам до него какое дело?

О нас ничего не знают, нас плохо понимают, это видно хотя бы из удивительных репутаций,

создаваемых на Западе – и в поэзии и в теории. Что переведено, что попало в поле зрения, что отвечает поверхностному свободомыслию мещанина – то и получает соответствующее усиление звука, раздуваясь до нелепости и заглушая все остальное.

Главное, в конце концов, это рекламно-информационное мышление. Люди хватаются за «шапки», за [нрзб.], за крайности, за односторонние полярные, антиэстетические позиции, минуя конкретное содержание дела, и практически, материально для этого содержания остаются крайне осложненные, малые выходы, оно почти задавлено, не слышно, не доходит до слуха людей. Вот эта беда есть главная, есть средство порабощения, запутанности, бессознательности и стихийности, а именно из этой стихийности и того, что теория тонет в ней, и происходят все те отрицательные явления, которые называются «культами» или еще как-нибудь иначе. Их может быть еще миллион.

Механизм теории, ее обращения к массам, ее связи с общественной мыслью – вот главная проблема.

*Теория щели*⁶⁸. Мне удалось что-то сказать в 1931–1936 гг. Так и теперь.

Каждое время имеет свои пустоты, которые заполняются всяким вздором – мелким щебнем, шлаком и песком. Оно имеет и свою *полноту*.

К изданию моих исторических этюдов 30-х годов с большим вступительным разделом

В моих статьях 30-х годов – пророчество нового классического мира. До некоторой степени в первый раз, во всяком случае в полном отличии от старого классицизма, демократического и либерального. Там классические формы более дисциплина, которой нужно подчиниться с некоторым самоотречением; это метафизика культуры.

Наш идеал – порядок, основанный на самодеятельности, вытекающий из жизни. Классика как свободная нравственность нового мира, не как символ прогресса второй руки.

К переработке брошюры «Капитализм и духовная культура»

Отчуждение уже в самой собственности частных лиц.

Вследствие развития внутренних противоречий общественная собственность, *владение* точнее, превращается в *монопольную собственность*. Монопольная казенная собственность, эта система der Starrheit [неподвижности, окоченелости (нем.)], помесь общественного с частным, Seinfuer-Eines [бытие-для-одного (нем.)].

Против этого – право частной собственности, как выделение *бытия-для-себя*. Это защита *личного участия*, личного *общего* владения против отчуждения его, но парадоксально, что это может

происходить лишь в форме исключительности и получает правовую броню.

Итак, необходимость и оправданность элемент [нрзб.] частной собственности, хотя уже в этой исключительности ее, в этом не-настоящем, мнимом, формальном и все же реальном отношении заложены все элементы отчуждения и весь демонизм последующего развития, все противоречия, засилье формального, среднего, не конкретного, не индивидуального, механического, искусственного.

Но это включает в себе и свою собственную отрицательную сторону, снятие собственности и ее формального мира. Прибавление к путешествию Бугенвилля⁶⁹. Так до известной границы – далее отрицание частной собственности переходит в нечто большее, чем всеобщий уравнилельный промискуитет. И парадоксально опять-таки, что эта граница связана с *примешиванием элемента формы* (ср. Дидро, разговор отца с сыновьями) к стихийному отрицанию формальных границ собственнической исключительности. Политическая реальность этого – *демократизм*. С другой стороны, возможно примешивание отрицания частной собственности к формальному миру, и получается казарменный коммунизм.

Собственность как нелепое<?> исключение, исключительность ее до принесения всего в жертву этому идолу. Пример Фурье – принесение в жертву собственности *садов* в Париже. И ничего нельзя поделать – собственность.

«Условие», возникшее из пользы, на почве пользы, взаимного интереса, польза, воплощенная в чем-то *третьем*, в материи <?> правового нравственного <?> условия, – это обращается против самого содержания.

**Неонародничество в «литературоведении»
и смешение критики капитализма
социалистической с демократической борьбой
против привилегированного <?> капитала**

Антикапиталистическая идея в эстетике перешла в какое-то *неонародничество*⁷⁰. Лучше ли это *меньшевизма*, стоявшего за схемами вульгарной социологии? – Нет, не лучше. Все-таки меньшевики *были* марксисты, хотя и плохие.

Не пора ли уже «я тебя породил, я тебя и убью».

Одна лишь критика атомизации etc. в капитализме. А могучие [нрзб.] страсти [нрзб.]? Они, будто бы, против капитализма. Так ли? Демократия будто бы против капитализма. Бальзак консерватор. Стендаль – демократ-республиканец. Сучков («Знамя», 1962, № 3, с. 178 и др.) не понимает, что консервативен Бальзак, поскольку социален, а Стендаль *республиканец и демократ*, поскольку он не *социален*⁷¹. Здесь же (с. 179) Стендаль якобы уподобил роман [нрзб.]. «Внутренний монолог»⁷². Смешал с кино?

Типичное смешение критики капитализма с защитой буржуазной демократии.

(20–30-е годы) [нрзб.] – «Нет худа без добра» и «За битого двух небитых дают». Если кто-нибудь сделал бы отсюда вывод, что [нрзб.] худо и желать битья, то он был бы плоским софистом. [Нрзб.]

Моя большая идея двадцатых-тридцатых годов, *идея симфонии как идея борьбы*, истинной, подлинной. В то время как до революции дело обстояло иначе – это была идея оппортунизма. Теперь же он шел слева, перебираясь отсюда направо.

Ср. Ленин «О кооперации».

1. Идея старых кооператоров (то есть идеи гармонии).

2. Не абстрактно-новое и [нрзб.] старое (до не разбитого старого государства) → в то же время отличие от бухаринской идеи – теперь только мирное *культурничество*.

Pro domo sua

Обращение: пожалуйста, берите все, что вам нужно, пользуйтесь как своим. Я не могу предъявлять претензию, чтобы это не было вульгаризировано. Каждый – по-своему, как может. Я прошу только, чтобы меня не пинали ногами. Не считайтесь, не упоминайте, не требую ни малейшей признательности, не претендую на приоритет, только – не топчите ногами. Больше ничего.

Тот, кто чересчур резко критикует «упадочность» буржуазии эпохи империализма, говорит в сущности: был капитализм – была культура, вместе [с] падением капитализма делается упадочной

и культура, искусство. Это апология под маской критики. Наоборот, тот, кто критически относится к капиталистической культуре, к двойственности капитализма в целом, должен возвратить долю уважения эпохе заката капитализма: *империализму*. Поскольку здесь назревает уничтожение того ядра, которое губило ростки духовной культуры в прошлом. «Плехановская ортодоксия» – это именно апология буржуазности, под видом критики.

И тогда, как и везде, и сейчас на первом плане кишели<?> и кувыркались<?> люди ничтожные и, увы, при нашей официальнойности<?> прочее было более скрыто, чем оно бывает скрыто в любом обществе.

В настоящее время [...] говорят так, как в 1931 году, скажем, мог говорить лишь человек, рискующий головой. Например [...] об отчуждении и опредмечивании, о том, что коммунизм есть единство человека и предмета etc. Некоторые ругательства по моему адресу из начала 30-х годов. Ну что ж, это означает:

1. То, что Маркс говорит о мещанине, который сначала топорщится, а потом осваивает и тогда превращает в пошлость.

2. То, что этой общей идеи гармонии коммунизма и человека в настоящее время недостаточно (я и тогда говорил не только это). Ибо существует абстрактный гуманизм, абстрактный не-абстрактный гуманизм, слишком общее сведение концов

с концами, а нужно *Hic Rhodos hic salta*, близкодействие, которое дает лишь ленинизм. Это я понимал<?> уже в 30-е годы.

Период борьбы с вульгарным марксизмом 30-х годов. Две линии. *Встречный бой в темноте.*

Какова была цель в тридцатых годах? Показать, что революционер – *не отрицатель*. «Течение» и его влияние до сих пор, хотя и не понятое.

Трансформация 30-х годов и *приспособленчество* (50%). Трансформация 60-х годов – взяли опять у Лукача [нрзб.] сторону – *отрицание отчуждения, критику действительности. Но не критику отрицательности, негативизма действительности, включая и борьбу против призраков.* Одним словом – снова 50% приспособленства. «Течение» боролось *против буржуазной версии марксизма* (мещанства, по Марксу). Конечно, мало, глухо по своему социальному влиянию (побочное было громадно), но *факт* был и остается.

Изображение этого жестокого, страдальческого пути истории [нрзб.] было для меня единственно возможным негативным изображением его противоположности – более демократического свободного пути, Гегель [нрзб.] «прекрасной нравственности» героической эпохи, Идеала.

Отвечаю ли я за те [нрзб.] «крикливости», которые у меня, в моих статьях бывали во время оно? Отчасти да. Отчасти это было неизбежным

условием появления этих статей, но моя задача состояла в том, чтобы, принимая неизбежные условия, выработанной литературной формой снять этот элемент грубой прямолинейности. Надо признать, что это была *адова работа*, и на [нрзб.] принципов, взятых <?> в [нрзб.], с голосом совести, признающим лишь то, что конкретно, потрачены громадные усилия. Теперь они кажутся <?> бесполезны.

Писатель В. Ставский⁷³ сказал мне однажды: «Пишете вы с присвистом!», что на его языке означало смесь одобрения с некоторым даже удивлением. Ибо по тем временам было удивительно, что автор, пишущий на интеллигентные темы и с ученостью, способен пользоваться методом политической публицистики, высказывать свои взгляды твердо и остро. Согласно ходячим представлениям, на долю разума выпадало быть сражаемым <?>. В битвах тех времен должна была побеждать плебейская черноземная сила, презирающая «интеллигентские муки хлыщей <?>». Увидеть же теорию, не робко ступающую среди картин, описанных Пушкиным в стихотворении [нрзб.]... Это [нрзб.] привычку и озадачивало. [Нрзб.], но часто бессильное раздражение у тех теоретиков, которые видели свою силу в тупой ортодоксии.

Созданная мною в тридцатых годах теория «борьбы на два фронта», как объяснение незави-

симой позиции классиков литературы, представителей «свободного духовного творчества», была, конечно, не только исторической позицией. Она относилась к современной реальности, к ее поляризации, к отсутствию выбора, к невозможности «третьей силы». Она означала доказательство того, что не в банальном политическом смысле действительного невозможного сидения между двух стульев, не в смысле защиты оппозиции против Сталина, а в другом, более высоком смысле независимая, третья позиция возможна и необходима – теперь это выяснилось исторически, тогда это могло быть лишь обозначено в философском смысле, проведенно пунктиром.

Современные проблемы. Реализм, отражение contra условность, «историзм». Что ближе к «культу личности»? Против чего нужно воевать? Релятивизм и догматизм now [теперь (англ.)]. Две формы ликвидаторства

Каким я прежде был, таков и ныне я.

Если это догматизм (=твердость убеждения) – пожалуйста, но я думаю, что современные догматики мало отличаются от ревизионистов. Возьмите, например, такой важный пункт, как буржуазный национализм. Эту черту не без основания приписывают и догматикам и ревизионистам. Не все ли равно, идеализировать ли Чингисхана, Иоанна Грозного или другого какого-нибудь государя, князя или генерала, только

потому, что он свой, или утверждать, что [нрзб.] Монако имеет особый путь к социализму, настолько особый, что международные интересы рабочего класса и опыт русской революции его не касаются? Так же и в других вопросах. Разница, пожалуй, лишь в том, что догматики, весьма далеко ушедшие от марксизма бог весть в какую сторону, требуют, чтобы их догмы, выдвинутые ими сегодня и подлежащие отмене завтра, подкреплялись дубьем, а ревизионисты требуют полной свободы и полагают, что социализм вообще должен протекать без берегов и [нрзб.] также дубье.

Враг *один*. Это тот враг, о котором еще Ленин писал в 1922 году (т. 33, стр. 45), – враг, погубивший все революции, враг между нами – мелкобуржуазная стихия.

Да, но с тех пор прошло много времени, применимы ли эти слова Ленина теперь? Отчасти применимы. В самом деле – изменился сознательный слой нашей страны, которая теперь состоит в большинстве из рабочих и полурабочих (полупролетариев), это вам не шутка. Громадный подъем культуры в *широте* ее. И вот почему я могу надеяться...

Вы утверждаете, вы и другие новаторы – Эльсберг⁷⁴, Самарин^{<?>}⁷⁵, Храпченко, – что *отражение* связано с культом личности – противопоставляете этому субъективную активность, условность, историзм⁷⁶. Это я ввел *отражение* в наш обиход, вяжите меня. Отражение в ленинском смысле как основу всего. Вы говорите, что это был «культ»? Вздор. *Наоборот*. Начало культа есть *sic volo*, *sic*

jubeo [так я хочу, так я приказываю (*лат.*)], волюнтаризм, условность, «преобразование мира» etc. (совпадение с эстетикой декадентства № 2, ср. мои заметки на кн[игу] Мейлаха⁷⁷). Мелкобуржуазный утилитаризм или субъективизм (ультралевого или либерального толка). Начало культа было в этом, и в эти тона окрашен не только инкубационный период культа, но время его подъема до 1931–1932 гг. примерно.

Против этого *отражение*. Но как это было возможно при культе?

1. опасно.

2. было возможно, поскольку «культ» *вынужден был бороться против своей исходной среды*, которая сплошь пропиталась мелкобуржуазным «преображением жизни» ([на полях]: *Город* против крестьянского нигилизма, хотя и деспотически. Это все-таки был *прогресс*).

Это была борьба *жестокая*, но восстановление *классической традиции, объективного знания, отражения, реализма, художественности*, национальных традиций и так далее было важным шагом вперед, освобождением от *наивно-пролетарских одежд мелкобуржуазного движения*, от сектантства. Государственный социализм Сталина как протекторат Кромвеля был более *широким и прогрессивным*, хотя сердце Катона<?> и могло принадлежать побежденным.

Разумеется: 1. Сами *отражение и традиция* стали символами порядка а la Волковой⁷⁸.

2. Но самое главное, что быстро спохватились и дополнили реализм, то есть *правду*, романтикой, то есть новой формой того же волюнтаризма. И вся шпана, вся дрянь двадцатых годов («дрянь александровского царствования»), как и все выскочки тридцатых ухватились за этот романтизм, который теперь переименовали в «идеал».

Вообще-то что первое, что главное?? 1. Произвол, волюнтаризм. 2. Постановка в духе системы Станиславского. Ср. Ивана Денисовича и его следователя<?>.

Нужно смотреть в *корень* явления, в истоки его, тем более, что так сейчас во всем мире:

Отсюда это распространение модернизма, отсюда этот экзистенциализм, эта жажда свободы от «Man»⁷⁹. И оборачивается это потом тоталитарным *Heimatkunst*⁸⁰. Это, так сказать, возвращение блудного сына домой.

Разумеется – как в 1905 году был *прилив декадентствующих элементов* и нужно было *сотрудничать с ними*, так и теперь есть момент общего мелкобуржуазного революционного демократизма, и очень большой. Но свою точку зрения нужно *сохранить без растворения*.

Меня будут считать догматиком, я останусь один... До некоторой степени я удовлетворен этим. Почему? Да потому, что в прошлые времена очень трудно было отделить подлинный марксизм от quasi-марксизма. 1. Все было сдавлено, спрессовано в одни и те же формулы. Попробуй-ка отличиться! ([на полях]: а содержание было не ясно).

И все же... 2. Меня корили за неортодоксальность. Ну что же, пусть теперь бывшие гонители творческой мысли, свирепые сверхортодоксы, теперешние перевертыши, пусть они корят меня за недостаток творческой мысли. Мне это не страшно – не поверят, а себя раскроют больше, чем этого хотели бы. 3. Мы вступили в полосу приведения формы в соответствие с существом.

Я тебя породил, я тебя и убью

Наше неонародничество и его схемы:

1. Специализация, частичный человек etc. – а ведь одновременно происходит также *интеграция* (но в какой форме – вот вопрос).
2. «Индивидуализм» – но одновременно – коллективизм (– опять же, в какой форме)
3. Уничтожение личности etc. – и наоборот: освобождение личности, страсть, энергия, дела, деятельность вместо лени etc.

Вывод: не односторонние схемы, а перекрещивание и разные формы единства. Что важно? – *Максимум, соотношение <?> преимуществ*, а не антитеза.

К изданию моих статей. К полемике с нашим социологическим и постсоциологическим сбродом. Вопреки и благодаря

Вульгарная социология «была своего рода цинизмом, верой в силу, но цинизмом

теоретическим, сопровождаемым фанатической убежденностью.

Эти сверхматериалисты были иногда, конечно, далеко не всегда, идеалистами в практическом отношении. Наоборот, практические циники никогда не боятся употреблять в любом количестве такие слова, как «правда», «гуманизм», «красота», которых стеснялись «вульгарные социологи». Mais ça ne fait rien. [Но это ничего не значит (*фр.*).] Теоретический рафинированный цинизм, идущий, так сказать, сверху вниз, от пресыщения интеллигентностью и гамлетизмом, сливался с цинизмом *simpliciter* [простым, без затей (*лат.*)], прокладывал ему дорогу. Поэтому противопоставлять вульгарную социологию ежовщине, террору 1937 года, совершенно ложно, хотя здесь разные стороны и разные стадии одного и того же. Судьба вульгарной социологии дает здесь пример схождения путей мысли и реальной практики, теоретического нигилизма и стихийного бунта мелкобуржуазного зверя снизу.

Культ и вульгарная социология

Против ложного мнения, будто борьба против идей двадцатых годов – вульгарной социологии и модернизма(?) – способствовала культу личности.

Обвинение [нрзб.] по моему адресу. Я в чем-то виноват. В чем? В том, что воспользовался борьбой

против оппозиции для победы над более глубоким злом, но победа оказалась эфемерна.

Но ничуть не виноват в поддержке этого зла ни в той, ни в другой форме. Мои анализы Гегеля и тому подобное.

1. В чем их смысл? *Противопоставление двух типов развития*, «нашимьего <?>» и другого.

2. Критика фашизма и подобных вещей – сие о нас. Критика капитализма – тоже. Конечно – встречный бой в темноте.

Акимов и его интерпретация Гамлета – типичный продукт вульгарной социологии: а) борьба за власть, б) frame<?>⁸¹. И этот человек держал остроумную речь о последствиях «культа», не подозревая, что мог бы оказаться шпионом Перу не по чему-либо [нрзб.], а по законам Немезиды. Борьба против вульгарной социологии была борьбой против «культа личности»! Более глубокой, чем *оппозиция* ее сторонников, которые, впрочем, быстро перекантовались.

К предисловию

Я огорчен, конечно, тем, что не опубликовал своевременно (хотя с некоторой <?> точки зрения это было мне полезно), но меня утешает то, что для новых поколений это все равно было бы совершенно забыто [нрзб.], и это послужило бы только тайным источником для праздноболтающих, как происходило и происходит с моей работой о Марксе. Так что в известном смысле – в самую пору.

К лекции о народности

Две абстрактных теории: *просветительская и романтическая, примитивистская* (критика, особенно современных бердяевцев) и два полюса народности:

1. Народность снизу и деятельность сверху для народа. *Народ и нация.*

2. *Инверсия* – движения эти *перекрещиваются*, полюсы *отождествляются* (← против той и другой схемы). Наибольшая народность = антинародности, что прекрасно иллюстрируется азиатскими формами жизни. И обратно – через высшее развитие культуры наверху, артистической, виртуозной культуры, достигается подлинное обращение к народности. Пример: Пушкин и другие «великие консерваторы». Откуда возможный конфликт с народом как *малым человечеством*. Пример эпохи Возрождения etc., Просвещения – слабее в чем-то. Но сохраняется и в марксизме. Проблема *реакционных народных* движений и их двойственности. Умение оценивать их методом «двух типов недостатков», то есть диалектически.

3. Отсюда возможность различных форм единства противоположностей в истории и *на разной основе*. На почве *глубочайшей, коснейшей народности*, вых[одящее] из первобытного строя величайшее *отдаление культуры от народа*. Пример – Азия, Центральная Америка. Но и средние века! Средние века: латинская литература и ее читатель и неграмотный народ. «Народный боженька». *Схождение, сближение* противополож-

ностей при развитии *противоположного момента* – выделения купеческого капитала, высшей аристократии, ученых etc. в случае сохранения *более широкого фона* – при расширении товарного хозяйства – уже так называемые *Возрождения* в Азии, особенно Древняя Греция и «золотые дни позднего средневековья». *Двойная вершина, двойная вершина таких Возрождений* – типичный общий закон. До некоторой степени *в разной мере* (иначе в древности, иначе в эпоху Возрождения) уже в рамках этого *схождения* должно проявиться и *расхождение*, когда большая высота второй линии еще дает *великие* (IV век до н.э.) или *величайшие* (конец XV и начало XVI века н.э. – в живописи, XVI век в литературе) плоды. *Высокое возрождение* собственно является *поздним*, вопреки обычному неудачному словоупотреблению.

Далее совершается *расхождение* уже с преобладанием расхождения: *маньеризм* (подробно), барокко, но и одновременно – *парадоксальная народность*. *Испанистика*, например. Барокко еще более народно, хотя парадоксально *классицизм более национален*. → Одно за счет другого, здесь тоже *две вершины*.

Аналогичные моменты, конечно, и раньше: Азия, эллинизм, Рим – прижатие верхов к низам общим прессом и тому подобное. *И раньше*, то есть курица и яйцо – первичные и вторичные закрепощения (они отождествляются в бесконечном развитии), они *разделяются в движении*, одно за счет другого. Теперь *цезура*: народ уступает

место нации, отходит как бы на задний план. Одно за счет другого (например, в области политической экономии). Эпоха посредства, причем полнейшая не-народность классицизма дает (в некоторых областях) *чистый пример народности через обратное* – какой-то элемент этого и в гетеанстве и пушкинизме.

Затем, наконец, *новое схождение*, но уже на почве большого расхождения – это сознательное стремление демократической буржуазной мысли, начиная с эпохи Возрождения, к народу. *Народность национальных движений*. Опять-таки *две вершины*: Просвещение и романтизм (народничество). В первом случае преобладание момента сверху, во втором примитивизм, преклонение перед народностью, а не за народ. Инверсия: первое более демократично, хотя и «за народ», второе – более доступно реакционным поползновениям.

Более того: демократически окрашенные и националистически окрашенные движения, что тоже парадокс, *инверсия*, ибо демократические движения национальны в передовом смысле слова, а национальные – народны в отсталом смысле слова.

С преобладанием национализма – кончается эпоха сближения *на почве буржуазной демократии* и начинается *новое расхождение, сверху*. *Буржуазный монархизм, бонапартизм, цезаризм*. Эпоха монополий. *Плебисцитарность, известная и раньше*. Азия, эллинизм, Рим, абсолютизм.

С другой стороны. Выход за пределы буржуазной демократии, *на грани*, не бонапар-

тизм и цезаризм, а революционная демократия, ее борьба против либерализма и анархизма, два инверсирующихся, эпигонствующих и доведенных до эксцесса продолжения просветительства и романтики.

Далее опять-таки *две вершины* на этой почве, революционная демократия и коммунизм при различных переходах (Бабеф – социалисты) до конфликта друг с другом. *Одно за счет другого.*

Марксизм как идея единства коммунизма и революционной политики, социализм[а] сверху и народной политики. Хотя расхождения возможны и впредь – расширение базы.

К народности

А не сделать ли пояснение <?> типа Критика истории литературы XVIII века, то есть демократическая критика капитализма не есть критика капитализма, а etc. *Два пути?*

Что значит быть современным?

Быть слепым, тупым, ограниченным? Или зрячим. То, что лучше.

Вопрос о роли «благодаря» в другом изложении и разрезе. Когда у нас господствовала вульгарная социология и формализм, то есть [нрзб.] «благодаря», то они распадались на две стороны: 1) [нрзб.], 2) *мы сами.*

До 1953 года мы жили в вечном сегодня. Оно началось с Октября, и если происходили какие-нибудь изменения, нам хорошо известные, мы их не сознавали как страницы истории. Для этого были не только внутренние основания, в значительной степени иллюзорные. За этим вечным сегодня стояли грозные силы, которые не допускали мысли о том, что сегодня может иметь свою историю, что вчера оно могло быть в чем-то несовершенным, исторически-относительным и вообще не равным себе. Ведь при таком допущении можно было бы найти в себе какие-нибудь критические доводы и по отношению [к] более конкретному и реальному сегодняшнему дню. Поэтому нужно было иметь плохую память. Резкие изменения курса жизни стирали одно другое, ложились одно поверх другого как записи на магнитной пленке, а пленка оставалась одной и той же. Внешность была такова, как будто все от века было одинаково и малейшие попытки внести какую-нибудь конкретность в это непрерывное присутствие, *presence*, казалось, режут ухо.

После 1953 года у нас возник интерес к собственной истории и, самое главное, появилась возможность ею заниматься.

Через наши руки («течение») прошли две важные идеи: идея народности искусства и другая идея – идея объективной правды, заложенной в каждом подлинном произведении искусства, даже если автор не знает этого или не хочет знать.

Идеи это не новые, но, повторяю, они были очень важны, ибо развились в борьбе с другим кругом идей, кот[орые] можно назвать добровольным догматизмом и сервилизмом. Теории частичности, узости, [нрзб.], социального эгоизма, отсутствия правды и совести, при страшном преклонении перед силой и энергией [нрзб.], скорее – нахрапом. Словом, идеи вульгарной социологии, которые объективно служили старой идее насилия и едино-властия, хотя практически, на данном этапе вступили в противоречие с его интересами и потому стали уязвимы.

Вы признаете, что художником люди бывают *даже вопреки и даже благодаря* своим нелепым убеждениям, – значит, вы за нелепость, за реакционность! Так рассуждают эти господа. На самом же деле – обратное: «Значит, соблюдайте меру, не нужно быть фанатиком даже во имя разума», говорил Анатоль Франс (т. 6, стр. 529). Разум, передовое мировоззрение – все это хорошо лишь в конкретном содержании, а вышел за его пределы, так даже самое не передовое мировоззрение может быть лучше.

Бочаров⁸². Конечно, все это чисто научная полемика, за исключением нескольких намеков типа *Caveant consules*⁸³. Бочаров может не знать, что это такое, но Я. Эльсберг<?> объяснит ему (как окончивший классическую гимназию)⁸⁴.

«Чистый» марксизм, демонически-чистый марксизм вульгарной социологии – как своего рода анархобесие, мелкобуржуазное ультра, явление псевдореволюционного декадентства, хотя и питающееся корнями вниз. Это явление аналогично модернизму, *цветы зла*.

Многим людям – когда оканчивается спасительная [нрзб.] социологии – буквально нечего сказать, и тогда оказывается, что они беднее бедного, что для того, чтобы просто занять читателя, им приходится повторять плоские общие места, писать в духе самых нудных школьных авторов умеренно-либерального пошиба, в духе рецензентов<?> «Биржевых ведомостей» и т.п.

Недошивин в 1946 году⁸⁵. Да, но мы развиваемся! А кто нам поручится, что будет<?> завтра? Ничуть вы не развиваетесь. Вы те же, что были. Один молодой автор – «вдумчивые читатели тридцатых годов». Да, были такие вдумчивые, избави нас боже от их вдумчивости. Вдумчивые исследователи и в двадцатых, и в тридцатых годах, и сейчас одни и те же. Конфликт с ними для меня в моем положении единственное доказательство того, что я, как говорит Щедрин, скорее готов найти общий язык с Понтием Пилатом, чем с Каифой и молодыми людьми из Кириафа. А впрочем, единственное знамя марксизма одно и в двадцатых и [в] тридцатых годах, да и теперь, хорошо это по-

нято или плохо, – единственный крепкий ориентир, единственный залог будущего.

Новый тип вульгарной социологии и реальное Лихо<?>.

Предисловие к книжке о Марксе

Политическая сторона.

Насколько важна была моя постановка вопроса о *прогрессе* в 30-х годах, видно из того, как путается мир в оценке религиозных движений сейчас. Если они передовые, то прогрессивный божеенька etc.

Что лучше – аристократия или единовластие? Тема моей лекции в театре Мейерхольда по поводу «Бориса Годунова» Пушкина⁸⁶ и всей моей постановки вопроса о возможности «борьбы на два фронта». От проблемы капитализма и феодализма к этой более острой проблеме. Таков был смысл.

Истина и ее система – с одной стороны. С другой – формально-технический взгляд на сознание вульгарной социологии и формального метода, известного теперь под именем структурализма. Отсюда, из этого бытия сознания вне истины, из продукта<?> и манипуляции – культ личности. Может быть, вспомнить Ленина? Сравнить с Фриче. *Технократия*.

Примечания

- ¹ В защиту своего дома; о себе; для себя (*лат.*).
- ² Андрей Платонов в 1930-е годы близко сотрудничал с журналом «Литературный критик» и писал там рецензии на книжные новинки (в том числе под псевдонимом Федор Человеков); см.: Галушкин А.Ю. Андрей Платонов – И.В. Сталин – «Литературный критик» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. – Примеч. ред.
- ³ Сац Игорь Александрович (1903–1980) – один из представителей «течения» 1930-х годов (последователей и единомышленников Лукача и Лифшица, авторов журнала «Литературный критик»); впоследствии член редколлегии «Нового мира» при А. Твардовском. Сестра Саца – Наталья Розенель была второй женой А.В. Луначарского, а он в 1920-е годы был его литературным секретарем, а также в 1930-е годы – членом редколлегии «Литературного критика». О личности Саца см. воспоминания В.Я. Лакшина, близко его знавшего с 1950-х годов: «Он избегал публичности, солистом быть не хотел и даже в оркестре согласился бы играть разве что вторую скрипку и уютнее всего чувствовал себя за кулисами литературной жизни. По банальному счету литературных заслуг, отражаемому в обзорах и учебниках, ничем заметным не отличился, а для живой литературы и людей значил многое» (Лакшин В. Голоса и лица. М.: Geleos, 2004. С. 52–106, цитата на с. 52–53). – Прим. ред.
- ⁴ Стихотворение А.Н. Плещеева (1825–1893) «Легенда»:
 Был у Христа-младенца сад,
 И много роз взрастил он в нем;
 Он трижды в день их поливал,
 Чтоб сплесть венок себе потом.
 Когда же розы расцвели,
 Детей еврейских созвал он;
 Они сорвали по цветку,
 И сад весь был опустошен.
 «Как ты сплетишь теперь венок?
 В твоём саду нет больше роз!» –
 «Вы позабыли, что шипы
 Остались мне», – сказал Христос.
 И из шипов они сплели
 Венок колючий для него,
 И капли крови вместо роз
 Чело украсили его.

- 5 Герой одноименной новеллы Бальзака «З. Маркас» (1840), из «Сцен политической жизни» в «Человеческой комедии». Этот несостоявшийся великий политик и оратор, преданный тем ловкачом, который был обязан ему своей карьерой, умер в безвестности и нищете; последние месяцы жизни непреклонного идеалиста и гордеца описаны глазами студента-повествователя: «То была не скромность, а смирение, не христианское смирение, неотделимое от милосердия, но смирение, подсказанное разумом, сознанием того, что таланты в наши дни бесполезны, что ты не можешь проникнуть в среду, отвечающую твоим склонностям, и жить в ней. В иные минуты этот взгляд мог бы метать молнии. Из этих уст должен был исходить громовой голос, очень напоминавший голос Мирабо» (Бальзак О. Собр. соч.: В 28 т. Т. 19–20. М.: Голос, 1997. С. 203–229, здесь с. 209). – Прим. ред. (с благодарностью В.А. Мильчиной).
- 6 Объемный труд участника известной ревизионистской группы «Праксис» Предрага Враницкого (1922–2002) «История марксизма», опубликованный в 1961 году, был критически заострен против господствующей в СССР диаматовской сциентистско-позитивистской версии марксизма. Лифшиц наверняка пользовался немецким переводом этой книги: Vranicki Predrag. Geschichte des Marxismus. Bd. 1–2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972–1974. – Прим. ред.
- 7 Очевидно, отсылка к образам М.Е. Салтыкова-Щедрина – в частности, персонажам очерка «Каплуны» (1862). В программной статье «О культуре и ее пороках» (Литературный критик, 1934, № 11) Мих. Лифшиц изобразил процесс естественной трансформации «каплунов угрюмых» (ультра-левых 20-х гг.) в «каплунов ласковых» (сталинских «термидорианцев» 30-х гг.) Он писал в этой статье: «В старом Глупове было два рода каплунов: угрюмые и ласковые. Обе породы еще не перевелись и в наше время» – см. Лифшиц Мих. Либерализм и демократия. М.: 2007. С. 43 – Прим. ред.
- 8 Это выражение традиционно приписывают К. Чуковскому; об этом он говорил в беседе с писательницей Л. Либединской в 1962 году: «Когда я начинал печататься, я был самый молодой среди литераторов, а теперь я самый старый! В России надо жить долго – интересно!», а также с В. Каверинным: «В России надо жить долго! Долго!» (Либединская Л. Литературу надо любить. М., 1973; Каверин В. Эпilog. М., 1989). – Прим. ред.
- 9 Из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828):

И толковала чернь тупая:
 «Зачем так звучно он поет?
 Напрасно ухо поражая,
 К какой он цели нас ведет?
 О чем бренчит? чему нас учит?
 Зачем сердца волнует, мучит,
 Как своенравный чародей?
 Как ветер песнь его свободна,
 Зато как ветер и бесплодна:
 Какая польза нам от ней?»

(Прим. ред.)

- 10 Редактором книг этой серии в издательстве «Молодая гвардия» М.А. Лифшиц был в 1930-е годы.
- 11 Лунный житель, намек на героев фантастических произведений Сирано де Бержерака. – Прим. ред.
- 12 Козюра Нина Николаевна – искусствовед и литературовед, примыкала к «течению», публиковалась в «Литературном критике» (автор диссертации «Салтыков-Щедрин – критик буржуазной Западной Европы» (1953); см. также ее статью: Козюра Н.Н. Борьба с вульгарной социологией. Классовость и народность искусства // Из истории советского искусствоведения и эстетической мысли 1930-х годов. М., 1977. – Прим. ред.).
- 13 Примерно тогда же (10 февраля 1940 года) Фадеев вместе с другим секретарем ССП В.Я. Кирпотиным направил секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Молотову, Жданову, Андрееву, Маленкову специальную записку об антипартийной группировке в советской критике, где ввиду того, что «группка «Лит[ературного] критика» выродилась в кучку людей, представляющих современную ревизию марксизма-ленинизма, представляющих буржуазно-либеральное направление в литературе», предлагалось прекратить ее «разлагающее влияние на литературу и учащуюся молодежь» (Власть и художественная интеллигенция / Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999. С. 439–444, цитата на с. 443). – Прим. ред.
- 14 Никулин Лев Вениаминович (псевд., наст. имя и фамилия – Лев Владимирович Ольконицкий) (1891–1967) – известный советский писатель, в конце 1930-х годов – соавтор Фадеева (сценарий «Перекоп»), лауреат Сталинской премии за роман «России верные сыны», автор мемуаров «Люди и странствия. Воспоминания» (1962) и очерка о Тухачевском (1963). – Прим. ред.

- 15 Вероятно, речь идет о «трагикомедии» Шекспира «Перикл» (1607), где героиня после кораблекрушения попадает из рук пиратов в публичный дом:

Марина

Мое несчастье в том, что я спаслась
Из рук того, кто б отнял жизнь мою.

Сводня

Уж поверь мне, жизнь твоя будет полна удовольствий!

Марина

Нет.

Сводня

А я говорю – да! Ты отведаешь мужчин всех сортов.
Жизнь твоя будет пестрая, веселая. Ну, что же ты затыка-
ешь уши?

Марина

Женщина ли ты?

Сводня

Я-то? А чем бы ты хотела меня видеть, коли не женщи-
ной?

Марина

Честной женщиной или никакой.

Сводня

Ах, оттащить бы тебя, дурочка! Видно, мне с тобой сразу
не сладить. Полно-полно, образумься! Деревце ты моло-
дое, глупое – как я тебя согну, так и будешь расти.

Марина

Да будут боги ко мне милостивы!

(IV действие, картина 2). <...>

Сводня

Ведь какая подлая! Она способна заморозить самого При-
апа! Вот из-за таких-то и не появляются на свет десятки
младенчиков нового поколения! Нет! Ее нужно как-ни-
будь лишить невинности или просто выпроводить отсюда.
Вместо того чтобы вести себя с гостями как подобает
в нашей профессии, она мне устраивает всякие сюрпризы:
то проповеди читает, то молитвы, то на колени становит-
ся. Да она самого черта превратила бы в пуританина, кабы
тот вздумал приставать к ней со своими поцелуями
(IV действие, картина 6)

(Шекспир У. Собрание сочинений. Т. XIV. М.: КЭМ, 1995.
С. 144–145, 163). – Прим. ред.

- 16 Лукач Дьёрдь (1885–1971) – выдающийся венгерский фи-
лософ-марксист, ближайший соратник Лифшица во время
московской эмиграции (1933–1945 годы), один из лидеров

«течения» и автор «Литературного критика». В то же время в 1960-е годы отношение Лукача к модернизму (к творчеству Музиля, например) стало менее критическим в отличие от тотального неприятия его у Лифшица; выявились и более общие философские разногласия, хотя личные дружеские отношения продолжались до самого конца жизни Лукача. См. публикацию материалов из папки «Лукач» (личный архив Лифшица): Лифшиц М. Что такое классика? М.: Искусство ХХІ век, 2004. С. 99–166. – Прим. ред.

- 17 Гриб Владимир Романович (1908–1940) – один из самых известных представителей «течения»; возможно, имеются в виду статьи «Мировоззрение Бальзака» (1934) или «Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе» (1936) из его посмертной книги: Гриб В.Р. Избранные работы. М., 1956. Часть исследования о Бальзаке из этой книги Гриба написана Лифшицем, поскольку ранняя смерть не позволила довести В. Грибу свой труд до конца; написанная Лифшицем часть опубликована в Собр. соч. Мих. Лифшица в 3 томах, см. об этом: Лифшиц Мих. Собр. соч. Т. 2. М., 1986. С. 294. См. очень теплые воспоминания о В. Грибе и его преподавании в ИФЛИ в статье Р. Орловой и особенно в мемуарах Г. Померанца: Орлова Р. Ученый, литератор, воспитатель // Знамя. 1957. № 3; Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М., 1999. С. 48–50. – Прим. ред.
- 18 Иовчук Михаил Трифонович (1908–1990) – советский философ и партийный работник, в 1944–1947 годах заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), член-корреспондент Академии наук; его административные успехи определялись покровительством Г.Ф. Александрова, вслед за которым он впал в немилость в конце 1940-х годов (когда работал в Белоруссии и на Урале), но смог уже в 1950-е продолжать карьеру в МГУ, отстаивая всемирно-историческую значимость материалистической философии революционных демократов и борясь с «ревизионизмом» молодых историков русской философии (Е. Плимака, Ю. Карякина); в начале 1970-х – ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. Кн. I. М., 1999. С. 199–217. – Прим. ред.
- 19 Тагер Елена Ефимовна (1905–1981) – искусствовед, жена известного советского литературоведа Е.Б. Тагера; в доме Тагеров после возвращения из эмиграции бывала в конце 1930-х М.И. Цветаева. – Прим. ред.

- 20 Верцман Израиль Ефимович (1906–?) – литературовед и историк философии, выпускник ВХУТЕМАСа, автор ряда работ о Руссо, Шекспире, Рембрандте и т.д. – Прим. ред.
- 21 Эта картинка живо напоминает разговоры «простых» людей о занятиях «высокоученых» из других теоретических фельетонов Лифшица; только там автор «цитировал» наряду с подобными хамскими высказываниями реплики из низов и иного рода: «– Не палки надо бояться, а бога, – сказала бабка, что ездил за водой-сентукой. – Бога не бога, а порядок должен быть, – заметил старый солдат. – Какой порядок! Все тащат наразохват! – Такой порядок, что сам должен понимать». «Действительно, – продолжает Лифшиц уже от своего имени, – догматизма не надо, а порядок должен быть! Пусть научное творчество льется свободным потоком, но вместо палки пусть будет все же внутреннее стеснение, сознание ответственности за выраженную мысль, простое чувство стыда перед общественным мнением» (Лифшиц М.А. В мире эстетики. М., 1985. С. 60). – Прим. ред.
- 22 Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974) – советский литературовед, член-корреспондент АН СССР, специалист по зарубежной литературе XX века; директор ИМЛИ в 1966–1974 годах. Сучков был автором и литературоведческим начальником действительно либеральным, а защитником «сомнительных» модернистов (вроде Кафки, Камю, Пруста) более решительным, чем безликий и осторожный Анисимов или цинично-угодливый Самарин; ему, в частности, принадлежит и заслуга полной реабилитации для советской подцензурной печати автора «Бесов» как критика мелкобуржуазного уравниательства и «левацких» загибов, вроде маоизма, – в связи с кампанией празднования 150-летия со дня рождения писателя (см.: Сучков Б.Л. Достоевский – художник и мыслитель. М., 1972). – Прим. ред.
- 23 Возможно, Евгения Львовна Гальперина, специалист по истории зарубежной литературы XIX–XX веков, автор «установочных» предисловий к изданиям Костера, Роллана и др. в 1930–1940-е годы. Выступала в печати с критикой «течения». В статье «Без тумана» (Литературная газета, 1940, № 11, с. 3) Гальперина писала: «Обычно, критикуя «течение», рассматривают его практику по кускам. Однако порочная теоретическая основа «течения» проявляется аналогично во всех областях. Есть своя логика в том, что любители реакционной «почвенности» в советской литературе подняли, как знамя, Андрея Платонова, писателя даровитого, но юродствующего, эпигонски продолжающего линию мелкой достоевщины.

Вико против Просвещения, отчего же не Платонов против Макаренки?» – Прим. ред.

- 24 Александров Георгий Федорович (1908–1961) – советский партийный деятель, философ, выпускник ИФЛИ. В 1940–1947 годы возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его книга «История западноевропейской философии», получившая Сталинскую премию в 1946 году, уже в следующем году стала предметом специальной «философской дискуссии», где автора, среди прочего, уличали в космополитизме и объективизме. В 1947–1954 годы – директор Института философии АН СССР. В 1954–1955 годы – министр культуры СССР. В 1955 году после скандала освобожден от должности и «сослан» работать в Институт философии АН БССР в Минск. Александров враждовал с предыдущими сталинскими выдвиженцами на философском фронте Митиным и Юдиным (последний в конце 1930-х годов покровительствовал Лифшицу и «течению»). – Прим. ред.
- 25 Анисимов Иван Иванович (1899–1966) – советский литературовед, начинал печататься в периодике РАПП, с 1952 года – директор Института мировой литературы им. А.М. Горького, автор работ по социалистическому реализму. О Сучкове и Анисимове см. в очерке «ИМЛИ» (Гаспаров М.Л. Записки и выписки. М.: НЛО, 2001. С. 251–253). – Прим. ред.
- 26 Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) – литературный критик и публицист, лауреат Сталинской премии (1950). В конце 1920-х годов был редактором журнала «Молодая гвардия», с 1928 года – один из лидеров РАППа; один из ближайших сподвижников А. Фадеева. В 1932–1938 годы – главный редактор журнала «Красная новь». Активный участник полемики против «Литературного критика» во второй половине 1930-х годов. В 1946–1950 годы – главный редактор «Литературной газеты», активный и убежденный участник всех погромных кампаний сталинского времени; в 1950–1960-е годы – сотрудник ИМЛИ. З. Паперный, близко знавший его в конце 1940-х годов, позднее писал: «Он был живой, остроумный человек, писал легко, непринужденно... Точнее говоря, непринужденно писал то, к чему его принуждали – указаниями, предписаниями, телефонными указаниями по проводам разного калибра. Был он человек способный. Во-первых, способен был на многое. Во-вторых – одаренный. <...> Он не только приспособлялся, но верил, пускай как собака верит в хозяина – называйте как хотите, – при всех его лихих зигзагах, поворотах, разворотах на 180 и т.д.» Папер-

- ный З.С. Бывали дни веселые... // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 720, 725. – Прим. ред.
- 27 Очевидно, Озеров Виталий Михайлович (1917–2007) – выпускник ИФЛИ и Академии общественных наук при ЦК КПСС, автор книг о Д. Фурманове и А. Фадееве, ректор Литературного института (1955–1958), главный редактор журнала «Вопросы литературы» (1959–1979), секретарь Правления СП СССР в 1967–1986 годах. См.: Озеров В. Размышляя о пройденном пути // Вопросы литературы. 1996. № 6. – Прим. ред.
- 28 Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – советский государственный деятель, литературовед, академик АН СССР (с 1966 года). В 1939–1948 годах – председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР; снят с должности как «не обеспечивший правильного руководства Комитетом». В 1948–1963 годы – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького. Одновременно в 1954–1957 годах также главный редактор журнала «Октябрь». С 1957 года – заместитель секретаря, в 1962–1966 годах – исполняющий обязанности академика-секретаря, в 1967–1986 годах – академик-секретарь отделения литературы и языка АН СССР. См. замечание Олега Проскурина: «Уже в 50-х годах Храпченко был объявлен главным нашим гоголеведом, в 60-х – главным толстоведом. Потом, когда в моду вошла теория, он стал главным официальным теоретиком литературы – основоположником «историко-функционального» и, кажется, «структурно-исторического» метода. Книги его издавались и переиздавались чуть ли не ежегодно. За эпохальный труд «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы» он получил в 1974 году Ленинскую премию. В начале 80-х вышло его Собрание сочинений в четырех томах – честь для литературоведа неслыханная! Без подобострастных ссылок на труды М.Б. Храпченко не обходилась в те годы ни одна идейно выдержанная литературоведческая работа» (<http://www.roslavl.ru/history/favorit/hrapchenko/proskurin.html>). Его книгу «Н.В. Гоголь» (1936) резко критиковал на страницах «Литературного обозрения» (приложение к «Литературному критику») М.А. Лифшиц в рецензии, опубликованной под псевдонимом: Иванов И. Стидливая социология // Литературное обозрение. 1936. № 8. С. 38 и след. (см.: Арсланов В.Г. Критика «нечистого разума» (Философская публицистика Мих. Лифшица) // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 111–113). – Прим. ред.

- 29 Очевидно, Марков Георгий Мокеевич (1911–1991) – с 1971 года – первый секретарь, в 1977–1989 годах – председатель Правления Союза писателей СССР, лауреат Сталинской (1952) и Ленинской премий (1976). – Прим. ред.
- 30 По мнению А.А. Вишневского, речь идет, возможно, о преподавателе диамата Д. Розенцвейге.
- 31 О популярности Лифшица в ИФЛИ конца 1930-х годов сохранилось немало свидетельств: Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ. М.: АИРО – XX, 1995. С. 46–52. – Прим. ред.
- 32 В связи с обсуждением романа Василия Гроссмана «За правое дело» и публикаций «Нового мира» Фадеев в докладе на Президиуме Правления Союза писателей 24.03.1953 г. указывал: «Следует вспомнить, например, некоторые литературные дискуссии 1939–1940 гг. и разоблаченные тогда же высказывания М. Лифшица в журнале «Литературный критик» о «вечных категориях действительности», о теории «круговорота». Для подтверждения идеи круговорота Лифшиц ссылаясь на Вико, на Гераклита, на Экклезиаста. Но он умалчивал, что эту реакционную идею в наше время поднял на щит – и не случайно – один из идеологов загнивающего капитализма Шпенглер. Нечего и говорить о том, сколь враждебна эта идея нашему марксистско-ленинскому мировоззрению» (Фадеев А. Некоторые вопросы работы Союза писателей // Литературная газета. 1953. 28 марта. № 38. С. 2). – Прим. ред.
- 33 Публикация фельетона Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» в «Новом мире» (1954. № 2) стала одной из первых примет «оттепели» в литературе и идеологии послесталинского времени. См.: Чуковский К. Дневник (1930–1969). М.: Современный писатель, 1995. С. 209–210. – Прим. ред.
- 34 Рейнгардт Лидия Яковлевна – искусствовед, жена Михаила Лифшица, соавтор ряда его книг («Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт (1968)», «Незаменимая традиция. Критика модернизма в классической марксистской литературе (1974)»).
- 35 Фейнберг Илья Львович (1905–1979) – литературовед, пушкинист, статьи которого в тридцатые годы публиковались в журнале «Литературный критик». Свою книгу «Незавершенные работы Пушкина» (М., 1969) И. Фейнберг подарил Мих. Лифшицу со следующей надписью: «Дорогому Михаилу Александровичу, с сердечной благодарностью за все, чему я научился, слушая его, – на добрую память от автора. Переделкино. 1 июля 1970 г.»

- 36 О «теории тождеств» Мих. Лифшица см.: Арсланов В.Г. «Онтогносеология» Мих. Лифшица и «советский марксизм» // Мареев С., Мареева Е., Арсланов В. Философия XX века. М., 2001.
- 37 Утешение (лат.).
- 38 Здесь Лифшиц соединяет как увлечение Горького взглядами большевиков из группы «Вперед» (А.А. Богданов, А.В. Луначарский) после революции 1905 года, так и его аргументы против максимализма большевиков в 1917–1918 годы, когда появились «Несвоевременные мысли»; одним из связующих звеньев была деятельность в «Новой жизни» Горького сподвижника Богданова – философа, переводчика и публициста В.А. Базарова (Руднева). – Прим. ред.
- 39 Герой повести Веры Федоровны Пановой «Кружилиха» (1947); о генезисе этого образа и замысле повести (сначала подвергнутой резкой критике за «очернительство», но вскоре отмеченной Сталинской премией) см.: Панова В.Ф. Мое и только мое. О моей жизни, книгах и читателях. СПб.: Звезда, 2005. С. 291–304. – Прим. ред.
- 40 В архиве Мих. Лифшица, в папке «Varia», есть следующая заметка: «Андрей Платонов, сидя за стопкой водки в нашей доброй компании и узнав, что арестован Динамов или другой какой-то сатрап, окруженный теперь венцом мученичества, сказал: «Братцы, а не в нашу ли это пользу?» (Динамов Сергей Сергеевич (наст. фам. Оглодков, 1901–1939) – специалист по зарубежной литературе, один из яростных изобличителей «переверзевищины» в начале 1930-х годов; ответственный редактор «Литературной газеты» в 1930–1931 и 1932–1933 годах. Затем – директор ИКП литературы, редактор журнала «Интернациональная литература». Расстрелян после ареста в 1938 году. – Прим. ред.)
- 41 Упомянутые события происходили скорее во второй половине 1930-х годов, уже после возвращения Лосева из лагеря; см. об этой издательской истории: Тахо-Годи А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 205 и след. С Лосевым Лифшица связывали дистанцированные, но весьма уважительные отношения; уже в 1970-е годы Лосев, в частности, упоминал его умение развивать «умный, тонкий марксизм» в области эстетики (Арсланов В. За что казнил Михаил Булгаков Михаила Александровича Берлиоза // Вопросы литературы. 1989. № 8). – Прим. ред.
- 42 Юдин Павел Федорович (1899–1968) – советский идеологический функционер, в начале 1930-х годов один из главных персонажей «философского фронта», изобличитель (вместе

- с М.Б. Митиным) «меньшевистствующего идеализма» Деборина и его школы. В середине 1930-х годов – один из организаторов Союза писателей, в 1937–1947 годах – заведующий ОГИЗом РСФСР, одновременно в 1938–1944 годах – директор Института философии АН СССР. Член-корреспондент АН СССР (с 1939 года), академик (с 1953 года). – Прим. ред.
- 43 Хеллер Агнеш (Heller Agnes) (р. 1929) – ученица Лукача, известный венгерский философ, член знаменитой «будапештской школы» в 1960–1970-е годы; после разгрома Пражской весны и смерти Лукача подверглась преследованиям в Венгрии, с 1977 года – в эмиграции; с 1986 года – профессор Новой школы социальных наук в Нью-Йорке. Ее отношения к марксизму в 1970–1980-е претерпело заметную эволюцию в сторону признания примата либеральных ценностей. – Прим. ред.
- 44 Херман Иштван (Hermann Istvan) (1925–1986) – один из наиболее ортодоксальных представителей круга учеников Лукача, автор канонизирующей биографии учителя (1974), позволяющей вписать его взгляды в идеологический канон кадаровской Венгрии. – Прим. ред.
- 45 См. также внутренние рецензии Лифшица на произведения Солженицына для «Нового мира» в 1960-е годы, где он безусловно признавал первостепенный талант писателя: Лифшиц М. О повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»; О рукописи А.И. Солженицына «В круге первом» / Публ. Л.Я. Рейнгардт // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 73–83. – Прим. ред.
- 46 Скорее всего, Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940) – советский партийный и государственный деятель. В 1925–1937 годах – председатель Сибирского крайисполкома, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). С октября 1937-го нарком земледелия СССР, с 1935-го кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован в 1938 году, расстрелян в 1940 году. – Прим. ред.
- 47 Близкие по духу рассуждения о Солженицыне, его неприятии Ленина и позиции Твардовского см. в других заметках философа: Лифшиц М. Очерки русской культуры (Из неизданного). М.: Наследие, 1995. С. 227–244, особенно с. 233–235. – Прим. ред.
- 48 Имеется в виду, по всей вероятности, фильм Ф. Феллини «Репетиция оркестра».
- 49 Именно эти пьесы Лессинга и Шиллера были предметом внимания марксистских теоретиков искусства разных поколений (Меринг, Лукач и др.). – Прим. ред.

- 50 См. о Г. Успенском в этой связи: Русские писатели об изобразительном искусстве / Сост. Л.А. Гессен, А.Г. Островский. Л.: Художник РСФСР, 1976. Работы ветерана большевизма Михаила Степановича Ольминского (наст. фам. Александров) (1863–1933), связанного с первыми марксистскими кружками, критика декадентов и соратника Ленина по «Правде» и «Звезде», были важны Лифшицу для подкрепления его антимодернистской позиции; см.: Волков П.Д. Эстетические взгляды М.С. Ольминского. М., 1975; см. также: Богуславский Г.А. Пролетарская революция и памятники культуры (Деятельность М.С. Ольминского по охране национальных художественных ценностей) // Исторические записки. Вып. 100. М., 1971. С. 355–374. – Прим. ред.
- 51 Речь идет об известной антимарксистской (и антигегелевской) работе К. Поппера (1902–1994) «Нищета историцизма» (русский перевод: Вопросы философии. 1992. № 9, 10). Стоит отметить, что в Австрии в 1930-е годы, до эмиграции в Великобританию и Новую Зеландию, политические взгляды молодого Поппера были достаточно близки к леворадикальным. – Прим. ред.
- 52 Отсылка к аргументам немецкого правоведа Рудольфа Штамллера (1856– 1938) в спорах с марксистами конца XIX века: если, по их мнению, гибель капитализма экономически абсолютно неизбежна, то революционная организация его противников выступает в роли «партии сторонников лунного затмения»; его возражения против материалистического понимания истории критиковал еще Макс Вебер: Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr, 1951. S. 291–359. – Прим. ред.
- 53 Дежурное обвинение, направленное во второй половине тридцатых годов против Михаила Лифшица, в особенности после появления его статьи о Дж. Вико (см., например: [Ермилов В.] О вредных взглядах «Литературного критика» // Красная новь. 1940. № 4. С. 160–161. – Прим. ред.).
- 54 Речь идет о положениях одной из самых известных работ Бенямина В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Пер. с нем. М.: Медиум, 1996. – Прим. ред.
- 55 См.: Лифшиц Мих. Иоганн Иоахим Винкельман и три эпохи буржуазного мировоззрения // Лифшиц Мих. Собрание сочинений: В 3 т. Том 2. М., 1986. С. 57–113 (впервые опубликовано как предисловие к книге: Винкельман И.И. История искусства древности / Пер. с нем. М.; Л., 1933. С. VII–LXII). – Прим. ред.

- 56 Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – искусствовед и литературовед, академик АН СССР (1929), председатель Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (1922–1929), ответственный редактор журналов «Печать и революция» и «Литература и марксизм»; еще с начала XX века выступал как активный сторонник марксистского мировоззрения. Именно против преобладающих в ранней советской эстетике идей Фриче (учения о классовой детерминированности художественных жанров и типов, о социальных основах стиля и классовом размежевании и подражании в искусстве), равно как и против социологии литературы Переверзева с начала 1930-х годов последовательно выступали Лифшиц и его сторонники, выдвигая на первый план категории народности, историзма и объективного, многогранного художественного постижения действительности. – Прим. ред.
- 57 Маца Иван Людвигович (1893–1974) – советский теоретик искусства; родился в Австро-Венгрии, в конце 1910-х годов активно участвовал в развитии венгерского авангарда (журналах Лайоша Кашшака), с 1923 года – в СССР, член-корреспондент Коммунистической академии (1930–1936). В своих работах стремился в духе Фриче напрямую связать общественные условия и закономерности развития искусства («Очерки по теоретическому искусствознанию», 1930 и др.) См. его ретроспективную статью: Маца И. Советская эстетическая мысль в 1920-е годы // Из истории советской эстетической мысли: Сб. статей / Под ред. Л.Ф. Денисовой. М.: Искусство, 1967. С. 18–58. – Прим. ред.
- 58 Хаузер Арнольд (Hauser Arnold) (1900–1978) – английский социолог искусства венгерского происхождения, автор монументальной «Социальной истории искусства» (1951). На его становление особенно повлияло общение с Лукачем, Б. Баляжем и К. Манхеймом периода так называемых «воскресных собраний» в 1916–1919 годах в Будапеште. См. подробнее: Арсланов В.Г. Западное искусствознание XX века. М., 2005. С. 371–387. – Прим. ред.
- 59 Гелен Арнольд (Gelehn Arnold) (1904–1976) – немецкий философ, один из основоположников философской антропологии; Лифшиц имеет в виду идеи Гелена, развитые в книгах «Человек. Его природа и положение в мире», «Первочеловек и поздняя культура». – Прим. ред.
- 60 Имеется в виду, вероятно, стенограмма лекции «Народность искусства и борьба классов», прочитанной Мих. Лифшицем

в ИФЛИ 23.05.1938 г. (см.: Лифшиц Мих. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1986).

- 61 См. в мемуарах Г. Померанца: «К 1937 году старая марксистско-ленинская социология уже называется вульгарной социологией; бывшие вульгарные социологи перестроились и пекли одна за другой книжки о народности Пушкина, Некрасова и других (в коридорах ИФЛИ это называлось изнародованием). И тотчас же Лифшиц с Лукачем стали не нужны. Их попытка собрать все, что думал об искусстве Карл Маркс, и создать цельную марксистскую эстетику слишком сбивалась в Гегеля и вообще слишком была серьезной и последовательной для пропагандистской машины. Например, на докладе о народности (длившемся шесть часов!) Михаил Александрович отделил друг от друга непосредственную народность Шевченко, народность Некрасова (перешедшего на сторону народа, порвав со своим классом), Пушкина (сохранившего дворянское самосознание, но любившего народ и искавшего вдохновение в фольклоре) и наконец всякого большого искусства. Ибо большое искусство должно быть понято народом, и народ действительно поймет его когда-нибудь; поэтому вполне возможно, что когда-нибудь народной станет философская лирика Тютчева» (Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. С. 31–32). – Прим. ред.
- 62 Вероятно, Лифшиц отсылает к статье Луначарского «Ленин и литературоведение» (1932), впервые опубликованной в 6-м томе «Литературной энциклопедии». Эти размышления касаются «узкого» прогрессивного развития самых передовых общественных или художественных сил в столкновении с «широким» низовым стремлением масс к свободе и всеобщему счастью в равенстве (см.: Лифшиц Мих. А.В. Луначарский [1967] // Лифшиц Мих. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 190–193). – Прим. ред.
- 63 Так называемое «течение» (М. Лифшиц, Г. Лукач, Е. Усиевич, В. Александров, В. Гриб, И. Сац и др.) группировалось вокруг журнала «Литературный критик».
- 64 После публикации известного манифеста Лифшица в «Литературной газете» (Почему я не модернист // Литературная газета. 1966. 8 октября) он отклонил возможность публичного спора с Г. Померанцем (как учеником своего ученика Гриба); см. также: О псевдореволюционных движениях и роли интеллигенции: (Из письма Г.С. Померанца М.А. Лифшицу) // Политический дневник. Амстердам, 1975. Т. 2: 1965–1970. С. 174–182; Лифшиц М. Осторожно – человечество // Литературная газета. 1967. 15 февраля. – Прим. ред.

- 65 Персонаж «Озорных рассказов» Бальзака («Ведьма»). Один из семейства Турнебушей, пространно излагая в своем заведении основы житейской мудрости, пишет: «Турнебуши навсегда останутся безвестными, ведя жизнь смиренную, как безобидные малые насекомые, кои, раз угнездившись в деревянном столбе, просверливают себе дырочку и в тиши и в мире разматывают до конца свою нить».
- 66 Имеется в виду известная постановка «Гамлета» на сцене театра им. Е.Б. Вахтангова в мае 1932 года – режиссерский дебют Николая Павловича Акимов, с музыкой Д. Шостаковича, один из последних театральных экспериментов с классикой в духе прежнего авангарда 1920-х годов, где на первый план выведена авантюрная и «заговорщическая» линия борьбы за датский престол; пьеса, имевшая шумный успех у публики, подверглась тогда же жесткой проработочной критике. См. подробнее: Заболотная М.В. «Гамлет» в постановке Акимов // Акимов – это Акимов. СПб.: РНБ, 2006. С. 78–122. – Прим. ред.
- 67 Струве Глеб Петрович (1898–1985) – поэт, критик, литературовед-славист и издатель, сын П.Б. Струве; вместе с Б. Филипповым подготовил к печати собрания сочинений Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Н. Гумилева, Н. Клюева. Книга «История русской советской литературы» (1935) была переведена на несколько языков. – Прим. ред.
- 68 Теория щели – идея Лифшица (восходящая к Герцену) о возможности миновать столкновение – или наложение двух противоположных крайностей, связанная с обретением «истинной середины»; такой щелью истории можно считать Возрождение – возникшее на переломе феодальной и буржуазной эпох и избежавшее самых дурных сторон каждой из них (см. попытку развивать эти принципы: Арсланов В. Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. М., 2007). – Прим. ред.
- 69 Имеется в виду сочинение Д. Дидро, в котором излагается его социальная утопия, где преодолены пороки цивилизации, основанной на частной собственности.
- 70 Об отношении М.А. Лифшица к тому, что он называл народничеством в литературной критике, дают представление следующие строки из письма М. Лифшица к Г. Лукачу (от 16.07.1964 г.): «Из статьи Лакшина («Иван Денисович, его друзья и недруги». – Сост.) можно узнать все, что нужно, о критиках Солженицына, что же касается защиты, то она выдержана в достаточно умных тонах, хотя имеет, с моей точки

зрения, один недостаток. Автор толкует образ Ивана Денисовича немного по-народнически и в дидактическом духе, чего у самого писателя нет. Лакшин, во всяком случае, преувеличивает имеющийся у Солженицына сарказм по отношению к «придуркам», то есть людям, не работающим на «общих работах», физически. Получается у критика род социальной трудотерапии, а это уже недалеко от генеральной идеи, на которой был основан весь этот санаторий. Некоторый оттенок народнического осуждения интеллигенции и умиления перед простотой, имеющийся в статье Лакшина, не усиливает ее позицию, а ослабляет ее».

- 71 См.: «Стендаль обогатил и развил и самый творческий метод реализма. Объясняется это тем, что к исследованию общества Стендаль подходил как художник-демократ, для которого враждебность буржуазного социального устройства истинным интересам народа была очевидней, чем Бальзаку, которому в процессе изображения и познания действительности приходилось преодолевать консервативные стороны своего мировоззрения, искажавшие ее облик» (Сучков Б. История и реализм // Знамя. 1962. № 3. С. 178). – Прим. ред.
- 72 Сучков повторяет формулу Стендаля о романе как зеркале, которое проносят по проселочной дороге, – где отражается и синева неба, и придорожная грязь, а введение внутреннего монолога позволяло «проникать его исследующему анатомирующему ланцету в живую плоть души героя» (Там же. С. 179). – Прим. ред.
- 73 Ставский (наст. фам. – Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943) – писатель и литературный функционер. В 1928–1933 годах один из руководителей РАПП. В 1936 году, после смерти Горького, стал руководителем Союза писателей СССР (фактически до лета 1941 года), одновременно в 1937–1943 годах был главным редактором журнала «Новый мир». Погиб на фронте. См. о нем: Авторханов А.Г. О себе и о времени: Мемуары. М., 2003. С. 401–402. Ставский еще в 1937 году информировал вышестоящие инстанции об идейной неблагонадежности «Литературного критика» и лично Лифшица (см.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Документы. М., 1997. С. 138). – Прим. ред.
- 74 Эльсберг Яков Ефимович (1901–1972) – литературный критик «напостовского» направления, затем – автор многочисленных работ по теории и истории литературы. Ему приписывают кражу денег из кооперативного издательства «Круг» еще в 1920-е годы (см. его книгу: Шапирштейн-Лерс Я.Е. Во внутренней тюрьме ГПУ (записки арестован-

ного). Бодайбо, 1924). Позднее он был преподавателем МГУ и литературным секретарем Л.Б. Каменева; после 1953 года достоянием гласности стали доносы Эльсберга на писателей и литературоведов (Л. Пинского, И. Бабеля и др.), включая близких знакомых; после XXII съезда КПСС он был исключен из Союза писателей (Правление не утвердило решение московской организации), но остался научным сотрудником ИМЛИ – его имя тем временем стало нарицательным. Об Эльсберге в 1930-е годы см.: Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2004. С. 18–23. Лифшиц полемизировал с Эльсбергом в 1957 году по вопросу о соотношении метода и мировоззрения писателя, но эти материалы были опубликованы лишь в начале 1980-х годов: Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. С. 546–550. – Прим. ред.

- 75 Самарин Роман Михайлович (1911–1974) – советский литературовед, автор сопроводительных статей и редактор изданий многих зарубежных писателей. С 1947 года – заведующий кафедрой истории зарубежных литератур и декан (1956–1961) филфака МГУ, одновременно заведующий отделом зарубежных литератур Института мировой литературы АН СССР. Активный участник антисемитских кампаний конца 1940-х – начала 1950-х годов. О неблагоприятной деятельности Самарина в ИМЛИ см.: Евнина Е. Из книги воспоминаний // Вопросы литературы. 1995. № 4. С. 230 и след. Ср. попытку апологии Самарина: Николюкин А.Н. Роман Михайлович Самарин: миф и реальность: Письмо в редакцию // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 2. С. 167–175. – Прим. ред.
- 76 Лифшиц здесь активно выступает против стремления связать принципы «течения» (примат познавательной функции искусства, первостепенная роль отражения объективной действительности) с наследием сталинизма, что было свойственно в 1970-е годы уже довольно широкому кругу советских искусствоведов, не согласных с марксистской ортодоксией Лифшица и его единомышленников; и среди них были отнюдь не только одиозные деятели минувших эпох. – Прим. ред.
- 77 Мейлах Борис Соломонович (1909–1987) – советский литературовед, автор множества работ о Пушкине; в 1960-е годы – сторонник сближения литературоведения и психологической науки. Вероятно, Лифшиц имеет в виду его книгу «Талант писателя и процессы творчества» (Л., 1969). – Прим. ред.
- 78 Персонаж повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

- 79 Das Map – термин философии М. Хайдеггера (из «Бытия и времени»), обозначающий анонимную безликость современного общества.
- 80 Народное (национальное), региональное, «домашнее» искусство (*нем.*).
- 81 Каркас, конструкция, строение, рама (*англ.*).
- 82 Наверняка имеется в виду статья: Бочаров С.Г. Статьи В.И. Ленина о Толстом и проблема художественного метода // Вопросы литературы. 1958. № 4 (спор с интерпретацией Лифшицем писательского мировоззрения в рамках его полемики с югославским публицистом И. Видмаром – с. 117–119); см.: «Отождествляя, по сути дела, крестьянский голос и философские взгляды Толстого как то решающее, что определяет характер образов, создаваемых гениальным художником, исследователь – хочет он того или нет – отказывает искусству в возможности быть самостоятельной и специфической формой общественного сознания, растворяет искусство в философии» (Там же. С. 119). Отметим, что, несмотря на «ортодоксальную» форму высказывания, Бочаров говорит здесь об автономии искусства от внеположных ему задач. См. также: Бочаров С.Г. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». М., 1963. С. 22–25. – Прим. ред.
- 83 Часть формулы передачи полномочий римского сената магистратам в чрезвычайных обстоятельствах: «*Caveant consules, ne quid respublica detrimenti capiat*» («Пусть консулы будут бдительны, дабы республика не претерпела ущерба» (*лат.*)); в данном случае – призыв к бдительности надзирающих инстанций. – Прим. ред.
- 84 С.Г. Бочаров работал в 1960-е годы в ИМЛИ под началом Я. Эльсберга. – Прим. ред.
- 85 Недошивин Герман Александрович (1910–1983) – искусствовед, называвший себя учеником Мих. Лифшица, в 1940–1950-е годы активный пропагандист официальной идеологии, в последующие годы обвинял Лифшица в «догматизме». См. о Недошивине памфлет Мих. Лифшица «В мире эстетики»: Лифшиц М. В мире эстетики. М., 1985.
- 86 Это, вероятно, относится к одному из последних замыслов Мейерхольда – постановке пушкинского «Бориса Годунова», дошедшей до стадии репетиций в 1937 году. Мих. Лифшиц писал (12.11.1964 г.) чешскому эстетiku Владимиру Доста-лу: «Вы меня спрашиваете, как я отношусь к Мейерхольду и Эйзенштейну. Мейерхольд мне ничего плохого не сделал; я работал когда-то в его театральном институте, преподавал философию. Мне недавно напомнили, что в тридцатых годах

я читал перед труппой театра доклад о «Борисе Годунове» Пушкина, которого они собирались ставить. И. Мейерхольд и супруга его Зинаида в самых лестных выражениях оценивали сей вклад в их дело. Но даже мученичество Мейерхольда не может заставить меня забыть, как сам он, захватив в свои руки палку, в качестве главы театрального отдела Наркомпроса первых лет революции, творил черт знает что». – Цитата из архива Мих. Лифшица. См. также рабочие записи: Мейерхольд репетирует: В 2 т. / Сост. и коммент. М.М. Ситковецкой. Вступ. тексты к стенограммам М.М. Ситковецкой и О.М. Фельдмана, заключит. статья Б. Зингермана. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1993. Главы незавершенной работы Лифшица «Пушкин и его время» конца 1930-х годов см.: Лифшиц М. Очерки русской культуры. С. 162–226. – Прим. ред.

Указатель имен

А

- Авторханов* Абдурахман Геназович (1908–1997), историк-советолог, писатель, публицист 157
- Александров* Георгий Федорович (1908–1961), сов. парт. деятель, философ, выпускник ИФЛИ 93, 146, 148, 155
- Акимов* Николай Павлович (1901–1968), сов. режиссер и художник 117, 133, 156
- Анисимов* Иван Иванович (1899–1966), сов. литературовед 93, 148
- Амбарицумян* Виктор Амазаспович (род. 1908), сов. астрофизик 56
- Арбогад*, разбойник из повести Вольтера «Задиг, или Судьба» 60
- Аристипп* (ок. 435 – ок. 355 до н.э.), древнегр. философ 78
- Аристотель* (384–322 до н.э.), древнегр. философ 21, 22, 24, 42, 73
- Арсланов* Виктор Григорьевич (род. 1947), доктор искусствознания, профессор 2, 151
- Асеев* Николай Николаевич (1889–1963), рус. сов. поэт 97

Б

- Бабель* Исаак Эммануилович (1894–1940), рус. сов. писатель 158
- Бабеф* Гракх (Франсуа Ноэль) (1760–1841), франц. коммунист-утопист 137
- Базаров* Владимир Александрович (Руднев) (1874–1939), рус. публицист, философ, экономист 151
- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), англ. поэт 99
- Балаж* Бела (1884–1949), венг. писатель, теоретик кино 154

- Бальзак* Оноре де (1799–1850), франц. писатель 46, 53, 86, 89, 91, 122, 143, 156, 157
- Беньямин* Вальтер (1892–1940), нем. философ 108, 153
- Берк* Эдмунд (1729–1797), англ. полит. деятель и публицист 72, 79
- Бисмарк* Отто фон Шенхаузен (1815–1898), первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 114
- Блок* Александр Александрович (1880–1921), рус. поэт 104
- Богданов* Александр Александрович (Малиновский) (1873–1928), рус. философ, экономист 151
- Боккаччо* Джованни (1313–1375), итал. писатель и поэт 95
- Бочаров* Сергей Георгиевич (род. 1929), сов. литературовед 139, 159
- Брентано* Франц (1838–1917), австр. философ, психолог 52
- Бугенвилль* Луи (1729–1811), франц. мореплаватель 121
- Булгаков* Михаил Афанасьевич (1891–1940), рус. писатель 52, 102, 151
- Бунин* Иван Алексеевич (1870–1953), рус. писатель, поэт 105
- Бэкон* Фрэнсис (1561–1626), англ. философ 21

В

- Вебер* Макс (1864–1920), нем. социолог, социальный философ, историк 153
- Вергилий* Марон Публий (70–19 до н.э.), римский поэт 100
- Верещагин* Василий Васильевич (1842–1904), рус. живописец-баталист 106
- Верцман* Израиль Ефимович (1906–?), сов. литературовед и историк философии, выпускник ВХУТЕМАСа 91, 147
- Видмар* Иосип (1895–1992), югосл. публицист 159
- Вико* Джамбаттиста (1668–1744), итал. философ 46, 148, 150, 153
- Винкельман* Иоганн Иоахим (1717–1768), нем. историк античного искусства 111, 153
- Вишневский* Александр Александрович, сов. дипломат, литературовед 150

Волковой, персонаж повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» 129
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778), франц. писатель, философ 58, 60, 61
Враницкий Предраг (1922–2002), югосл. философ 87, 143

Г

Гальперина Евгения Львовна (1905–1982), сов. литературовед 92, 147
Гамлет, герой одноименной трагедии Шекспира 133
Ганская Эвелина (1801–1882), жена Оноре де Бальзака 91
Гароди Роже (род. 1913), франц. философ, писатель 76
Гартман Николай (1882–1950), нем. философ 17, 18, 27
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ 16, 18, 28, 58, 59, 64, 95, 111, 125, 133, 155
Гелен Арнольд (1904–1976), нем. философ 113, 154
Гельвеций Клод-Адриан (1715–1771), франц. философ 67
Гельдерлин Иоганн (1770–1843), нем. поэт 58
Гераклит (ок. 540–480 до н.э.), древнегр. философ 150
Герцен Александр Иванович (1812–1870), рус. писатель 15, 55, 73, 76, 103, 156
Гольбейн Ханс Старший (1465–1524), нем. художник 14
Горький Максим (Алексей Макс. Пешков), (1868–1936), рус. писатель, публицист 101, 151, 157
Гриб Владимир Романович (1908–1940), сов. литературовед 89, 91, 116, 146, 155
Гроссман Василий Семенович (1905–1964), сов. писатель 150

Д

Демокрит (ок. 460 до н.э. – ок. 370 до н.э.), древнегр. философ 44
Дедков Игорь Александрович (1934–1994), российский литературный критик 9
Дидро Дени (1713–1784), франц. писатель, философ 47, 121, 156
Динамов Сергей Сергеевич (1901–1939), сов. литературовед 69, 151

- Диоген Лаэртский* (1-я пол. III в. н.э.), античный историк философии 55
Долматовский Евгений Аронович (1915–1994), сов. поэт, прозаик 98
Достал Владимир, чешский эстетик 159
Достоевский Федор Михайлович (1821–1934), рус. писатель 91, 112, 113
Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделения в царствование Николая I 72
Дюринг Евгений (1883–1921), нем. философ 18
Дюрренматт Фридрих (род. 1921), швейц. писатель-фантаст, драматург 65

Е

- Евнина Елена Марковна* (1910–1998), сов. литературовед 158
Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965), лит. критик и публицист 93, 148

Ж

- Жиссельбрехт (?)* (Andre Gisselbrecht), франц. эстетик 112

З

- Задиг*, лит. персонаж повести Вольтера «Задиг, или Судьба» 58
Замятин Евгений Иванович (1884–1937), рус. писатель 70

И

- Иван IV Васильевич Грозный* (1530–584), первый рус. царь (с 1547) 127
Иван Никифорович и Иван Иванович, герои повести Гоголя 94
Изгоев Александр Соломонович (Ланде) (1872–1935), рус. сов. публицист, социолог и общ. деятель 70
Иовчук Михаил Трифонович (1908–1990), сов. философ, парт. работник 90, 146

К

- Каифа* Иосиф, первосвященник Иудеи с 18 по 37 г. н.э. 140
Калинин Михаил Иванович (1875–1946), сов. госуд.
и парт. деятель 85
Каменев Лев Борисович (1883–1936), сов. госуд. и парт.
деятель 158
Кант Иммануил (1724–1804), нем. философ 17, 19, 21, 28,
29, 30, 31, 35
Катон Младший, Марк Порций (95 до н.э. – 46 до н.э.),
древнеримский политический деятель 129
Козюра Нина Николаевна, сов. искусствовед, литературове-
д 88, 144
Кромвель Оливер (1599–1658), англ. политич. деятель 129
Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), сов. госуд.
и парт. деятель 68
Кьеркегор Серен (1813–1855), датский философ 55

Л

- Лакшин* Владимир Яковлевич (1933–1993), сов. лит. кри-
тик 142, 156, 157
Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898–1949), сов. поэт-
песенник 99
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) 15, 20, 70,
71, 101, 107, 113, 118, 123, 128, 141, 152, 153
Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781), нем. драматург,
теоретик искусства 152
Леонардо да Винчи (1452–1519) 28
Лигети Лайош (1902 – 1987), венг. ориенталист, тюрколог
113
Линней Карл (1707–1778), шведский натуралист 48
Лосев Алексей Федорович (1893–1988), рус. философ
и филолог 102, 151
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), рус. сов.
полит. и госуд. деятель 68, 72, 113, 142, 155
Любимов Николай Михайлович (1912–1992), сов. пере-
водчик 158
Людовик XV (1710–1774), франц. король с 1715 64
Лукач Дьердь (Георг) (1885–1971), венг. философ и лит. кри-
тик 89, 95, 102, 116, 125, 142, 145, 146, 152, 154, 155, 156

М

- Манхейм* Карл (1893–1947), нем. и англ. философ, социолог венгерского происхождения 154
- Мареев* Сергей Николаевич, рос. философ 151
- Мареева* Елена Валентиновна, рос. философ 151
- Марков* Георгий Мокеевич (1911–1991), сов. писатель, общ. деятель 94, 150
- Маркс* Карл (1818–1883) 45, 52, 53, 112, 114, 118, 124, 125, 133, 141, 155
- Маца* Иван Людвигович (1893–1974), сов. теоретик искусства 112, 154
- Маяковский* Владимир Владимирович (1893–1930), рус. сов. поэт 86
- Мейерхольд* Всеволод Эмильевич (1874–1940), сов. режиссер 141, 159, 160
- Мейлах* Борис Соломонович (1909–1987), сов. литературовед 129, 158
- Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1865–1941), рус. писатель 70, 72
- Меринг* Франц (1846–1919), деятель нем. раб. движения, лит. критик 152
- Молотов* Вячеслав Михайлович (Скрябин) (1890–1986), сов. парт. и госуд. деятель 69, 144
- Моруа* Андре (1885–1967), франц. писатель 91

Н

- Недоросль*, персонаж пьесы Фонвизина 116
- Недошивин* Герман Александрович (1910–1983), сов. искусствовед 159
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821–1878), рус. поэт 155
- Немезида*, в древнегр. мифологии богиня возмездия 68, 133
- Нечаев* Сергей Геннадьевич (1847–1882), участник рус. рев. движения 71
- Никулин* Лев Вениаминович (Лев Владимирович Ольконичский) (1891–1967), сов. писатель 88, 144
- Ницше* Фридрих Вильгельм (1844–1900), нем. философ 16, 38, 39
- Ньютон* Исаак (1643–1727), англ. физик 49

О

Озеров Виталий Михайлович (1917–2007), сов. лит. критик, литературовед 94, 149

Ольминский Михаил Степанович (Александров) (1863–1933), участник рос. рев. движения, публицист, лит. критик 106, 153

Орвелл – см. Оруэлл

Оруэлл Джордж (1903–1950), англ. писатель, публицист 70

П

Панова Вера Федоровна (1905–1973), сов. писатель 101, 151

Парето Вильфредо (1848–1923), итал. социолог, политэконом 79

Пашенька, героиня повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» 58

Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), сов. филолог 158

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), рус. публицист и лит. критик 105

Платон (427–347 до н. э), древнегр. философ 100

Платонов Андрей Платонович (Климентов) (1899–1951), рус. сов. писатель 69, 85, 87, 102, 142, 147, 148, 151

Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893), рус. поэт 142

Понтий Пилат, пятый римский прокуратор Иудеи 140

Померанц Григорий Соломонович (род. 1918), рос. писатель, публицист 146, 155

Поппер Карл Раймунд (1902–1994), австрийский и британский философ 106, 153

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1937) 3, 67, 126, 134, 141, 143, 155, 160

Р

Рейнгардт Лидия Яковлевна (1909–1994), сов. искусствовед, жена Михаила Лифшица, соавтор ряда его книг 9, 97, 150

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голл. художник 90

Рид Джон (1887–1920), деятель амер. раб. движения, писатель и публицист 65

Рисмен Дэвид (род. 1909), амер. социолог 53
Розанов Василий Васильевич (1856–1919), рус. рел. философ 93
Розенцвейг Д., преподаватель диамата 95, 150

С

Салтыков (псевд.: Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826–1889), рус. писатель 51, 140, 143
Самарин Роман Михайлович (1911–1974), сов. литературовед 128, 158
Санчо (Санчо Панса), персонаж романа Мигеля Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» 91
Сарабьянов Владимир Николаевич (1886–1952), рус. философ, историк, экономист, руководитель кафедры философии во ВХУТЕМАСе 71
Сац Игорь Александрович (1903–1980), сов. критик, переводчик 86, 142, 155
Сешар Давид, лит. персонаж роман О. Бальзака «Утраченные иллюзии» 46, 53
Славов Иван (род. 1928), болг. философ, публицист 80
Смит Адам (1723–1790), шотл. экономист и философ 46
Сократ (470/469–399 до н.э.), древнегр. философ 55
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), рус. писатель 83, 103, 104, 105, 152, 157, 158
Спиноза Бенедикт (1632–1677), нидер. философ 52
Ставский Владимир Петрович (Кирпичников) (1900–1943), писатель и лит. функционер 126, 157
Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили) (1879–1953) 51, 75, 93, 102, 104, 112, 127, 129, 142, 144
Станиславский Константин Сергеевич (Алексеев) (1863–1938), рус. режиссер 130
Стендаль (Бейль Анри Мари) (1783–1842), франц. писатель 122, 157
Страде Витторио (род. 1929), итал. литературовед и эстетик 75
Струве Глеб Петрович (1898–1985), поэт, лит. критик, литературовед 118, 156
Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974), сов. литературовед 92, 93, 94, 122, 147, 148, 157

Т

Татьяна (Ларина), героиня романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 64

Тахо-Годи Аза Алибековна (род. 1922), рос. филолог 151

Тагер Елена Ефимовна (1905–1981), искусствовед 90, 146

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), сов. поэт 62, 97, 103, 142, 152

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), рус. писатель 14, 113

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), рус. писатель 113

Турнебуш Гильом, лит. персонаж О. Бальзака 117, 156

Туровская Майя Иосифовна (род. 1924), рос. кинокритик, историк кино, сценарист, культуролог 65, 66

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), рус. поэт 155

У

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968), сов. литературный критик, переводчик 155

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), рус. писатель 106, 153

Ф

Фадеев Александр Александрович (1901–1956), рус. сов. писатель 88, 97, 144, 148, 150

Фёдоров Николай Фёдорович (1829–1903), рус. рел. мыслитель 93

Фейнберг Илья Львович (1905–1979), сов. литературовед, пушкинист 97, 150

Феллини Федерико (1920–1993), итал. кинорежиссер 105, 152

Фельдман Олег Максимович (р. 1937), историк театра 160

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), рус. поэт 113

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), рус. публицист, худ. и лит. критик, рел.-общ. деятель 70

Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), нем. философ 21, 28

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), рус. рел. философ 93

Франс Анатолий (Анатолий Франсуа Тибо), (1844–1924), франц. писатель 139
Фрейд Зигмунд (1856–1939), австр. врач-психиатр и психолог 63
Фриче Владимир Максимович (1870–1929), сов. литературовед 112, 141, 154
Фурье Шарль (1772–1837), франц. социалист 121

Х

Хайдеггер Мартин (1889–1976), нем. философ 159
Хаксли Олдос (1894–1963), англ. писатель 70
Хам, библ. образ 49
Хаузер Арнольд (1900–1978), англ. социолог искусства венг. происхождения 113, 154
Хеллер Агнеш (р. 1929), венг. философ, ученица Лукача 102, 152
Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961), амер. писатель 99
Херман Иштван (1925–1986), венг. философ, ученик Лукача 102, 103, 152
Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), сов. госуд. деятель, литературовед 93, 94, 128, 149

Ч

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), рус. рев. демократ, писатель 58
Чингисхан (ок. 1155–1227), знамен. монг. завоеватель 127
Чуковский Корней Иванович (Ник. Вас. Корнейчуков) (1882–1969), рус. поэт, детский писатель, литературовед 97, 143

Ш

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), укр. поэт и художник 155
Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), сов. поэт и прозаик 97
Шапириштейн-Лерс Я.Е. автор книги: «Общественный смысл русского литературного футуризма», М., 1922 157
Шекспир Уильям (1564–1616) 89, 145

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), нем. поэт
65, 152

Шкловский Иосиф Самуилович (1916–1985), сов. астро-
физик 55

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), сов. писа-
тель 104

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), сов. ком-
позитор 156

Шпенглер Освальд (1880–1936), нем. философ 150

Штаммлер Рудольф (1856–1938), нем. правовед 153

Штирнер Макс (Иоганн Каспар Шмидт) (1806–1856),
нем. философ 16

Щ

Щедрин – см. Салтыков

Э

Эвклид (ок. 300 г. до н.э.), древнегр. математик 49

Эйнштейн Альберт (1879–1955), нем. физик, с 1933
в США 81

Эльсберг Яков Ефимович (1901–1972), сов. лит. критик
128, 139, 157, 158, 159

Эль Греко (1541–1614), исп. художник 90

Эмпедокл (ок. 490–430 до н.э.), древнегр. философ
и поэт 65

Энгельс Фридрих (1820–1895) 112

Эпикур (341–270 до н.э.), древнегр. философ 82

Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940), сов. парт. и госуд.
деятель 103, 152

Ю

Юдин Павел Федорович (1899–1968), сов. философ и общ.
деятель 102, 148, 151

Я

Ясперс Карл (1883–1969), нем. философ 33

Вниманию читателя предлагаются фрагменты из архива Михаила Александровича Лифшица (1905–1983).

Сделанные для себя записи, не предназначенные для печати, подтверждают наблюдение Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

СЧАСТЬЕ

Оно состоит в достижении полноты существования. Это доказывается простым перечислением.

Другими словами, счастье – еще одна сторона «абсолютной истины», высшей действительности и полноты.

Но счастье относится к сфере личности или, по крайней мере, должно быть испытано ею. А единичное существо не может включить в себя полноту существования. Отсюда элемент разочарования – односторонность всего испытанного. «Фауст» Пушкина. И отсюда также «Удовольствие предвосхищения выше удовольствия обладания» Гельвеция.

Счастье в будущем живет, настоящее уныло.

Счастлив тот, кто может жить будущим. Счастливы отдельные люди и народы, живущие будущим, счастливы мгновения, открывающие нам будущее. Несчастлив тот, кто не имеет будущего, кто знает, что он уже не увидит его – каковы бы ни были утешения.

Мих. Лифшиц

ISBN 978-5-904099-02-2



9 785904 099022